

ЖЕНЯ
ЮРКИНА

КАЖДОМУ
ЖИВОМУ
ДОМУ
НУЖЕН
ХРАНИТЕЛЬ

БЕЗДНЕДИ

ОДНОГЛАЗЫЙ ДОМ

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика

Женя Юркина

Безлюди. Одноглазый дом

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Юркина Ж.

Безлюди. Одноглазый дом / Ж. Юркина — «Эксмо»,
2023 — (Young Adult. Книжный бунт. Фантастика)

ISBN 978-5-04-178575-8

Пьер-э-Металь – город, скроенный из камня и металла. Его улицы петляют меж глухих трущоб, шумных таверн и оживших от одиночества домов – безлюдей. Уникальная сила – их дар, служба им – проклятие. Осиротевшие сестры Гордер попадают в чужой город и оказываются втянутыми в опасное расследование. Они – ключи к разгадке, запертые в безлюде. И если мир так жесток, можно ли доверять незнакомцам, предложившим руку помощи? Лютен – одержимый смотритель безлюдя. Домограф – увлеченный исследователь и карьерист с безупречной репутацией. Хозяин таверны – балагур, герой сплетен и жутких легенд. Город погряз в тайнах и заговорах: убийцы, предатели, влиятельные толстосумы, религиозные фанатики... Настало время бросить им вызов. Первый роман цикла «Безлюди» Жени Юркиной. «Безлюди» – мрачный и изысканный мир условных девятнадцатого – начала двадцатого веков, маленький городок, хранящий темные секреты, и две сестры, вынужденные противостоять обрушившимся на них невзгодам среди скрипа живых стен. Приключения, детектив, поиск дома, поиск ответов – все это «Безлюди».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-178575-8

© Юркина Ж., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	39
Глава 5	58
Глава 6	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Женя Юркина

Безлюди. Одноглазый дом

© Юркина Ж., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Дом на краю

Офелия открыла глаза, не зная, что ее потревожило. Лай соседских собак? Пора бы уже привыкнуть, что каждую ночь они надрываются на всю округу. Или это ветер хлопает незакрепленными ставнями? Тогда нужно их запереть, иначе и дальше будут надоедливо греметь, не давая уснуть.

Соскользнув с кровати, она ощупью пробралась к окну. Темный провал дышал прерывисто, с протяжными выдохами и скрипучими вдохами. Задвижка была сломана, и распахнутые створки колыхались в воздухе, точно крылья ночной птицы. Офелия потянулась к ним, как вдруг заметила тень, мелькнувшую у крыльца. Она отпрянула, убеждая себя, что ей померещилось. Спряталась в складках занавесок, опасливо выглянула снова. Три темных человеческих силуэта обрисовались перед входной дверью. Кто бы это ни был, они пришли сюда не с благими намерениями.

Дом стоял на окраине, соседствуя с бедным кварталом и трущобами. Воровство и разбой давно стали для местных частью быта, из-за чего Офелия приняла полуночных гостей за грабителей. Таких не остановят дверные замки и задвижки на окнах.

Офелия заметалась по комнате, судорожно соображая, что делать: позвать сестру, разбудить родителей... И тут же замерла, сраженная ужасным осознанием. Родителей больше нет, старшая сестра в отъезде, и рядом никого, кто мог бы защитить. Придется спасаться самой, поняла она и стремглав бросилась на первый этаж, где отчетливо слышалась возня за дверью. Пока бандиты мешкали, оставался шанс улизнуть через черный ход и перебраться в соседский двор, чтобы поднять тревогу.

Стараясь не выдать себя неосторожным движением или шумом, Офелия скользнула на кухню. Полумрак не помешал быстро отыскать ключ в корзине для фруктов и прокрасться к двери, ведущей на задний двор. До спасения оставалось несколько шагов, когда ручку дернули с той стороны. Иссохшее дерево задрожало на петлях, закашляло пылью из глубоких трещин.

Офелия нырнула под стол и спряталась за длинной скатертью, прежде чем дом сотрясся от череды гулких ударов, а потом вмиг стало так тихо, что она подумала, будто оглохла.

Вскоре беспокойный слух уловил шаркающие шаги в холле, на лестнице и, уже едва различимые, наверху. Что грабители рассчитывали отыскать в обветшалом, полузаброшенном доме? Отбросив лишние мысли, Офелия поползла к краю укрытия, надеясь улучшить момент и сбежать. Ее остановил оглушительный грохот от мощного удара, выбившего кухонную дверь. Поваяло сквозняком, и колючий озноб охватил от макушки до пяток.

Затаившись, она слушала, как кто-то шаркает, гремит посудой, точно ищет еду, а потом, отыскав, противно чавкает. Трапеза увенчалась звоном опрокинутой тарелки и грязной бранью, последовавшей за этим. Скатерть свисала низко, оставляя небольшой просвет: через него виднелись осколки тарелки из обожженной глазури и кусок яблочного пирога. За ним потянулась огромная ручища, и Офелия невольно дернулась, поздно заметив, что край ночной сорочки предательски торчит из-под края. Совсем чуть-чуть – и все же достаточно, чтобы выдать ее укрытие. Только она подумала об этом, как скатерть резко задралась, и в полумраке возникло лицо: бледное пятно с блестящими глазами. Взгляд их был злобным, почти хищным.

– Кто это у нас тут? – Бандит присвистнул. – Малышка хотела сыграть в прятки? Малышка проиграла.

Лицо засмеялось – хрипло и рвано, будто залаяло. Офелия швырнула в него пустой корзиной, подвернувшейся под руку, и выскочила из-под стола, однако не смогла даже шагу ступить, как разбойник поймал ее за рукав. От рывка тонкая ткань надорвалась и выскользнула из

грубой лапищи, подарив короткую надежду на побег. Уже в следующую секунду Офелия получила удар под колени и вылетела из кухни, как камень из рогатки: стремительно, неуклюже, звучно. Не успела она оправиться от падения, как ее схватили за щиколотку с такой силой, что кости хрустнули. Свободной ногой Офелия попыталась лягнуть обидчика, но слабые удары, даже попадая в цель, оказались бесполезны. Она чувствовала себя рыбой, угодившей в сеть и бестолково бьющейся в смертельной ловушке. Грабителю ничего не стоило одним движением пресечь все попытки, а он медлил нарочно, с кровожадным оскалом наблюдая за ней, будто готовясь впиться зубами.

Внезапно за его спиной возникла широкая тень и, стремительно приблизившись, обрушилась сверху с дребезжанием и звоном. Офелия чудом успела откатиться в сторону, прежде чем бандит грузно повалился на пол, а деревянный буфет, наштигованный посудой, накрыл его, точно могильная плита.

Оцепенев от ужаса, Офелия наблюдала, как пятно вязкой жижи растекается по доскам, и только торопливые шаги на втором этаже вывели ее из ступора. Она вскочила и помчалась через холл под яростный вопль: «Хватай девчонку!»

Отчаянный рывок к двери, прыжок – и вот уже лестница позади. Гравий впился в босые ступни, а она даже не притормозила и бросилась прочь с криком о помощи. Ее зов переполошил всех собак, но не зажег ни одного окна.

Улица спускалась к городским трущобам и фермам, за которыми начиналось пшеничное поле. Спрятаться там негде, попросить защиты – не у кого, а поворачивать уже поздно. С улюлюканьем и свистом преследователи неслись за ней.

Пробегая мимо фермерских участков, Офелия снова попыталась докричаться до местных. Бесполезно. В груди жгло все сильнее, а босые ноги замерзли до онемения. Тело двигалось само, как у заводной куклы. Казалось, механизм вот-вот сломается, и она рухнет на землю без чувств. Грабители тоже устали и замолкли, хотя по-прежнему не отпускали далеко.

Дорога петляла и уводила все дальше, пока не оборвалась у дома – огромного, старого и одинокого. Это был последний шанс на спасение.

Взобравшись по ступеням высокого крыльца, Офелия заколотила в запертую дверь. С той стороны раздался громкий собачий лай, но ничего больше: ни шагов, ни вопроса «кто там?». В окне – ни тени, ни проблеска света.

– Откройте! Спасите! Умоляю!

Голос ее сорвался в рыдания, что лишь раззадорило преследователей, окруживших крыльцо. Они зашлись хриплым смехом, подступая ближе. Загнанная в ловушку, Офелия вжалась в дверь, с горечью осознав, что все надежды напрасны: местные никогда не отзовутся и никому не помогут. Таковы традиции города. Один из бандитов, тот, что выше и шире остальных, уже поднимался по лестнице, разведя в стороны огромные ручищи, готовые схватить добычу.

Неожиданно дверь за спиной распахнулась, и какая-то неведомая сила затащила ее в дом. Офелия не удержалась на ногах и упала навзничь, приложившись затылком к каменному полу. В глазах потемнело, и на время она вообще перестала что-либо видеть, доверяя лишь слуху. Раздался металлический скрежет, затем грохот, яростные возгласы и ругань.

– Эй, верни девчонку! – рявкнули из-за двери.

– Иначе спалим к демонам весь дом!

Офелия лежала, боясь пошевелиться и готовясь к худшему: вот сейчас ее схватят и вышвырнут вон, чтобы избавиться от проблемы. Вместо этого голос из темноты властно шикнул:

– Марш наверх! Прячься!

Позабыв о боли, она поднялась и интуитивно побежала на свет, к лестнице. Взлетев по ступеням, юркнула в первую замеченную дверь. За ней оказалась небольшая спальня. Офелия рыбкой нырнула под кровать, натянула край покрывала до пола и затаилась.

Мог ли хозяин дома в одиночку противостоять троице? С ужасом она представила, что случится, если грабители прорвутся внутрь. Никакое укрытие ее не уберезет. Фантазии превалились чередой звуков: звоном разбитого стекла, стуком, лязгом и парой громких хлопков, похожих на выстрелы. А потом наступила гнетущая тишина.

Офелия вся сжалась и, кажется, перестала дышать. Прислушалась. Глухой стук. Скрип двери. Щелчок тумблера лампы. Чьи-то медленные шаги, звучащие все ближе...

Она видела лишь кожаные сапоги – высокие, с толстой шнуровкой, такие в доме не носят. К горлу подкатила тошнота. «Хоть бы не они, хоть бы не они...» – взмолилась Офелия. Тем временем человек вычислил, где она прячется, опустился на колени и заглянул под кровать.

На Офелию уставились черные и блестящие, как лакричные конфеты, глаза.

– Можешь вылезать, они ушли.

Ей протянули руку и помогли выбраться.

– Как твоя голова?

– На месте, – буркнула Офелия, осторожно ощупывая шишку на затылке, и осмелилась посмотреть на своего спасителя.

Он выглядел ровесником ее двадцатилетней сестры или только казался младше своего возраста. Возможно, такое впечатление создавала его щуплая фигура в наглухо застегнутой куртке с металлической фурнитурой и брюках, заправленных в высокие сапоги. Похожую одежду носили охотники, а у него лицо было «неохотничье»: доброе, выразительное и необычайно подвижное, будто он примерял на себя разные эмоции и никак не мог определиться.

– Если захочешь умыться, ванная напротив. В котле есть горячая вода.

Не успела Офелия поблагодарить радушного хозяина, как раздался жуткий вой.

– Бо ругается, что я запер его, – успокоил спаситель и скрылся. Наверно, поспешил вызвать узника, поскольку вой вскоре затих.

Оставшись одна, Офелия резко ощутила усталость, взглянула на босые ноги – все в пыли и ссадинах – и заключила, что встреча с мылом неизбежна.

Ванную комнату украшали изразцы, латунные краники и прочие изыски. Под круглым окном стояла массивная ванна на звериных лапах. Сплошная роскошь, пусть обветшавшая и запущенная, если приглядеться. По стенам расползлись ветвистые трещины, котел покрылся ржавчиной, а лепной узор на потолке зиял пустотой – пара фрагментов выпала, словно молочные зубы.

Наскоро ополоснувшись, Офелия отправилась на поиски хозяина. Следуя на свист чайника, она забрела на кухню. На пороге ее встретил пес: бело-рыжий, с черными подпалинами на спине и свисающими ушами, которые смешно затряслись, когда он залаял.

– Бо, – одернул его хозяин, пригрозив кухонным полотенцем, – будь вежлив с нашей гостьей. Хватит ей потрясений на сегодня.

Пес сменил гнев на милость и даже позволил погладить себя. Усыпив его бдительность, Офелия подобралась к столу, где ее дожидались кружка с мятным чаем и аккуратно сложенный плед. Укутавшись, она устроилась на стуле, поджала ноги и прикрыла саднящие ступни.

– Как тебя зовут, привидение в белом? – шутливо спросил ее спаситель.

В одежде, болтающейся на ней, как простыня, Офелия и впрямь могла сойти за привидение, что ворвалось среди ночи в чужой дом. Сорочку она одолжила у сестры, дабы не так сильно грустить в одиночестве. Как и все вещи Флори, спальная рубашка пахла ее духами: свежестью бергамота и сладостью пионов, хотя к этому моменту утратила аромат. Теперь от нее несло потом и дорожной пылью.

Офелия назвала свое имя. Мягкое и певучее, оно совсем не подходило для обычной жизни: «Офе-е-е-елия», – как самая печальная мелодия для скрипки. Представившись, она как обычно добавила:

– Можно просто Фе.

– А я Дарт, будем знакомы.

Его имя пронеслось резко и твердо, как нож, вонзившийся в мишень. Офелия подумала о метателе ножей из цирка. Каждый раз, когда металл и дерево говорили «Дарт», зал аплодировал. Она повторила имя, привыкая к нему. Сложные, длинные имена были для каждого предметом гордости, и при знакомстве люди всегда представлялись полностью, не упуская ни одной буквы.

– Это сокращение?

– Нет, просто мои родители ленивые люди. – Усевшись у противоположного края стола, Дарт лукаво прищурился и спросил: – Ну-с, и что же случилось с Офелией?

После ее короткой сбивчивой речи Дарт погрузился в размышления и задался самым опасным вопросом: где же были взрослые. Ей не хотелось отвечать, но пришлось. Сестра уехала по делам, а родителей с ними больше нет. Как странно и дико звучала правда. Дарт выдохнул одно только «ох» и замолк, а она хлебнула чаю, чтобы избавиться от горечи во рту, оставшейся от ее слов.

– Значит, ты живешь со старшей сестрой, – продолжил он чуть погодя.

– Да, просто Флори уехала решать вопрос с наследством. – Офелия растерянно замолчала, сиюсь придумать объяснение их проблемам, а в итоге призналась: – Я мало что в этом смысле.

– Оно и неважно.

Дарт сделал пару глотков из своей кружки и улыбнулся из-под молочных усов, похожий на хитрого кота, а затем небрежно вытер их тыльной стороной ладони, став достаточно серьезным, чтобы спросить:

– Есть идеи, кто мог забраться к вам?

Офелия покачала головой. У нее не было времени обдумать, кто и зачем проник в их дом. Скорее всего, орудовали простые грабители, в Пьер-э-Метале таких шаек полным-полно, особенно на окраинах. Понимая, к чему клонит Дарт, она осторожно сказала:

– Наверно, придется обратиться к следящим.

– Подумаем об этом позже.

Офелия облегченно перевела дух.

Боясь снова встречаться с блюстителем порядка и возвращаться в пустой дом, она лелеяла надежду остаться на ночлег здесь. Дарту ее наглая просьба не понравилась. Улыбка вмиг стерлась с его лица, брови нахмурились. Рассеянным движением он взъерошил черные волосы, пропустив их сквозь пальцы, а после замер, словно прислушиваясь к чему-то... Неизвестно, какой ответ Дарт нашел в напряженной тишине, главное, что сжалился и позволил остаться, хотя и выдвинул для гостыи три правила: не соваться в другие комнаты, кроме ныне известных, не трогать вещи без позволения и не задавать лишних вопросов.

– Лишних – это каких? – вежливо уточнила она.

– Например, вот таких, – Дарт смешно передразнил ее и сам же расхохотался.

Выглядел он вполне безобидно, и все же чувствовалось в нем какое-то опасное притворство. Она ведь совсем не знала, кто перед ней. Вдруг это сумасшедший или маньяк, поселившийся в доме на отшибе. Офелии стало любопытно, как Дарту удалось разобраться с преследователями в одиночку.

– Что я сделал с ними? А у тебя какие версии? – бросил он, и в глазах его появился коварный блеск.

Страх, холодный и липкий, как болотная жижа, медленно растекся по телу, и Офелии пришлось успокаивать себя. Разве может такой добродушный человек оказаться плохим? Встретившись с ним взглядом, она поняла, что молча рассматривает Дарта, вместо того чтобы ответить на его каверзный вопрос.

– Я лишь надеюсь, что ты их не убил.

Дарт и тут нашел повод посмеяться. Смешок был коротким и непонятно что выражающим – то ли веселье, то ли упрек.

– Я похож на убийцу?

– В книжках убийцы обычно те, на кого никогда не подумают. Это развязывает им руки, – изрекла Офелия.

– Мудро. – Дарт одобрительно хмыкнул, а после признался: – Я подстрелил одного из них. Не смертельно, хотя достаточно убедительно. Они удрали, а я отделался легким испугом и разбитым окном.

Финал будто из сказки: злодеи наказаны, герои благородны, принцесса спасена. Офелия просияла и вернулась к уже холодному чаю. К тому времени он превратился в гадкую горьковатую жидкость. Отец называл такой чай «замерзшим», потому что, остывая, забытое озеро в кружке покрывалось пленкой, будто льдом. В какой-то момент, отвлекаясь от работы, отец обнаруживал это, шел за новой порцией и, возвращаясь за чертежный стол, звучно прихлебывал по пути.

Воспоминания согрели не хуже шерстяного пледа, и Офелия едва не уснула за столом. На ватных ногах она поплелась за Дартом и оказалась в той самой спальне, где недавно пряталась.

– Раз вы сами выбрали друг друга, поселим тебя здесь, – заявил он и, пожелав доброй ночи, ушел.

Без него в комнате стало тихо и зловеще. Над кроватью парила тень балдахина, а напротив вырисовывалась мрачная громадина шкафа. Отгоняя прочь пугающие мысли, Офелия скользнула под одеяло и уснула крепко, безмятежно – так, словно и не было никаких погонь, выстрелов, нападений; словно не было ничего, кроме мягких объятий постели.

Комнату заливал яркий солнечный свет. Разноцветные блики от витражного окна танцевали на стене и складывались в причудливые узоры. Офелии казалось, будто она очутилась внутри калейдоскопа, механизм которого только что крутанули. Пестрая картинка почти стерла воспоминания о минувшей ночи, но стоило повернуться, и все тело отозвалось глухой болью.

Умывшись и расчесав спутанные волосы, она почувствовала себя намного лучше. Чтобы оценить свой вид, не хватало только зеркала – а его не нашлось ни в ванной, ни в спальне, ни у лестницы. Поиски закончились, едва Офелия почуяла невероятные запахи: печеного хлеба, молочного какао и ванили. Голодный желудок капризно заурчал, требуя завтрак.

Когда она заглянула на кухню, Дарт как раз доставал противень с выпечкой, насвистывая веселую мелодию. Стол уже был накрыт (почему-то на три персоны). Памятуя о правилах дома, Офелия не стала спрашивать, кому предназначена третья тарелка. Может быть, Бо? Словно прочитав ее мысли, пес переметнулся к ней, выключившая угощение. За эти печальные глаза можно было отдать последний кусок, но ему перепал только краешек сырного кренделя.

После завтрака Дарт собрался к стекольщику, чтобы заказать окно взамен разбитого, и Офелия осмелилась попросить заодно отправить письмо в Лим. Благо она знала адрес, где Флори собиралась остановиться. В коротком послании Офелия просила сестру поскорее вернуться и прийти в дом за пшеничным полем. Чтобы не возникло путаницы, Дарт дополнил

письмо простенькой картой, указав стороны света и ближайший ориентир – водонапорную башню. С удивлением Офелия обнаружила, что убежала не так далеко, как ей показалось ночью.

– У меня есть еще одна просьба, – смущенно добавила она напоследок. – Пожалуйста, не обращай к следящим!

Дарт с интересом воззрился на нее:

– Это еще почему?

Она прикусила губу, не решаясь признаться, что им с сестрой нельзя привлекать внимание. Однажды стражи правопорядка отправили их в приют, а затем едва не упекли Флори за решетку. В тот раз сестре чудом удалось спастись, и теперь Офелия боялась, что нынешнее происшествие снова натравит на них следящих.

Она раздумывала над ответом слишком долго, чем и выдала себя. К ее удивлению, Дарт не стал выпытывать подробностей.

– Лезть в чужие проблемы себе дороже. – Он задумчиво потер подбородок и добавил: – Мне хватит разбитого окна.

Уходя, Дарт отдал команду Бо охранять дом – и на том скрылся. Судя по шуму, он последовал не ко входной двери, а на второй этаж. Офелия удивленно слушала, как наверху что-то грохочет. Оставалось гадать, что за выход скрывается там: неужели через крышу? Она бы проверила, но правила дома запрещали посещать другие комнаты, кроме тех, где она уже была, а также трогать вещи, шуметь и открывать *любые* двери. Проще перечислить, что ей позволялось.

Пытаясь себя чем-то занять, Офелия обошла кухню. Присмотрела две двери по разным углам – одна вела в кладовую, а другая оставалась тайной, хотя в богатых домах к кухне обязательно примыкала просторная столовая, где проводились семейные завтраки, полуденные обеды и званые ужины. Проверять догадку Офелия не стала и прошествовала в холл. Разбитое окно Дарт заколотил широкой доской и закрепил ее согнутым гвоздем вместо задвижки. По левую сторону от двери было такое же окно, только целое. Выглядело это так, будто после драки у дома остался один здоровый глаз, а второй, подбитый, прикрыли повязкой. Унылая экскурсия завершилась прогулкой по длинному коридору с чередой запертых дверей. Раздосадованно вздохнув, Офелия скользнула в спальню.

Солнце больше не заглядывало в витраж, и от калейдоскопа осталось лишь несколько отблесков на полу.

Она улеглась на кровать под тюлевым балдахином и стала размышлять. Если Дарт отправит послание до обеда, то к вечеру оно доберется до адресата. Вся надежда на Плавучую почту. Так в Пьер-э-Метале называли контору связи, соединявшую прибрежные города. По Почтовому каналу ходили проворные суда, доставлявшие письма и посылки, а позже появились паромы, перевозящие пассажиров. Если Флори поспешит, то успеет на ночной рейс и вернется завтра к утру.

От размышлений Офелию отвлек странный шум: вначале послышалось что-то вроде короткого всхлипа, а затем громкий хлопок. Она подскочила и завертела головой, но в комнате не нашлось ничего подозрительного, кроме шкафа, занимающего стену напротив кровати. Может, Бо забрался внутрь? Она решила проверить, чтобы не бояться понапрасну.

Дубовые дверцы с патиной распахнулись от легкого прикосновения, из шкафа дохнуло смесью ароматов из старого дерева, лаванды и календулы. Все пространство было забито платьями, и рука сама потянулась к одному из них, расшитому серебристым стеклярусом. Наряд выглядел как доспехи и весил, наверно, так же. Едва Офелия подумала о том, чтобы примерить его, зрение уловило движение: изящное, мимолетное и неестественное – потому что принадлежало платью. Оно протянуло к ней ярко-алые рукава, окольцевало запястья и рывком потащило в шкаф.

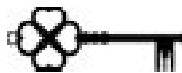
Офелия попыталась сопротивляться, упереться ногами в пол, но узлы сдавили сильнее, и пальцы пронзило игольчатой болью. Она успела только вскрикнуть, прежде чем нутро шкафа поглотило ее. Дверцы захлопнулись, ключ дважды провернулся с той стороны, а Офелия нырнула в душную глубину платяев. Одни наседали пышными юбками, другие царапались нашитыми камнями, третьи щекотали отделкой из перьев, а то, что утащило ее сюда, продолжало стягивать узлы на запястьях. Она почувствовала себя пленницей в кандалах, брошенной в темницу.

Со злости Офелия толкнула ногой дверцу и отчаянно заворочалась. Рукава не давали свободно двигаться, и все, чего она добилась, – запуталась в юбке с кринолином. Были платяья живыми или только мерещились такими, лучше им не сопротивляться. Офелия смирилась и обмякла, поняв, что самой отсюда не выбраться. Оставалось дожидаться Дарта.

Время тянулось издевательски медленно. Ей казалось, будто она просидела здесь несколько часов, чихая от запаха саше. В закрытом шкафу аромат душистых сухоцветов был навязчивым до тошноты.

Наконец слух уловил звонкий лай Бо. Офелия встрепенулась, и узлы затянулись крепче. Она хотела позвать Дарта по имени, вот только все согласные померкли на фоне пронзительной и протяжной «а-а-а-а-а». Крик прервался на вдохе и превратился в сдавленный хрип, когда атласный пояс по-змеиному обвился вокруг шеи в удушающем захвате. Связанные руки не могли дотянуться, чтобы помешать этому. Всерьез испугавшись, Офелия заколотила ногами.

Напуганная, она не сразу поняла, откуда этот слепящий свет и что за сила тащит ее наружу. Дарт действовал быстро и решительно: проворными пальцами ослабил петлю на шее и стянул пояс через голову, затем вцепился в рукава повыше тугих узлов и с силой рванул на себя. Ткань затрещала, а следом раздался оглушительный вопль. Офелия была готова поклясться, что он донесся прямо из глубины шкафа.

Потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать, что случилось и как она очутилась на кровати. Может, всему виной ее кошмары? Офелия пошевелила рукой и заметила на запястье синий обод – след от крепких узлов.

– Это был не сон, – мрачно сказал Дарт. Он сидел на полу у изножья кровати. Взгляд строгий и прожигающий, на губах ни намек на улыбку. – Ты должна уйти.

Она резко села, отчего голова закружилась.

– Пожалуйста, не прогоняй меня!

– Хозяин не хочет видеть посторонних. – Дарт бросил на нее виноватый взгляд. – Гостеприимство безлюдя недолговечно.

Офелия ахнула. Она считала истории о безлюдях городскими легендами – далекими от истины, приукрашенными воображением. Поговаривали, что заброшенные дома дичали без жильцов, обретали разум и магические свойства. Кто-то называл их заразой на теле города, а кто-то считал отдельным народом с собственными устоями, историей, традициями. В родном Лиме чаще говорили не о безлюдях, а о том, как не допустить их появления. Поэтому Офелия знала о них лишь по рассказам сестры.

– Кажется, безлюдями называют брошенные дома. Но ты же тут живешь.

– Я лютен. Домовой, если угодно. – Дарт приложил два пальца к виску и отсалютовал. – И не живу, а работаю. Раз хозяин больше не согласен терпеть тебя, я вынужден подчиниться.

Ошеломленная, она немо застыла перед ним. Если про безлюдей в Лиме говорили, пусть и неохотно, то про лютенов никто и словом не обмолвился. Тем более о том, что у безлюдя есть человек, беспрекословно выполняющий приказы.

Офелия попыталась убедить Дарта, хотя его хмурый вид не обещал никакого снисхождения.

- Сестра будет искать меня здесь!
- Встречу ее и отправлю, куда надо.
- А если грабители снова придут?

Дарт раздраженно вздохнул, но уже не нашел что возразить.

– Если со мной что-нибудь случится, это будет на твоей совести, – горячо выпалила она, а следом добавила: – И тогда тебе придется иметь дело с моей сестрой.

– Звучит как угроза, – хмыкнул он. – У тебя строгая сестра?

– До жути, – подтвердила Офелия, если преувеличивая, то самую малость. – Лучше не связываться.

Уловка сработала. На его лице появилась блуждающая улыбка, и Дарт согласился поговорить с хозяином. Ждать вердикт пришлось долго, но в итоге Офелия получила от безлюдя разрешение остаться еще на одну ночь. Несмотря на его причуды, он нравился ей больше, чем собственный дом.

Уладив все дела, Дарт отправился на чердак – проверять крышу, прохуdivшуюся после затяжных весенних ливней. Вскоре сверху стали доноситься гулкие удары и странный скрежет. Спасаясь от шума, Офелия сбежала на кухню, куда спустя некоторое время явился чумазый Дарт, похожий на трубочиста или фермера в разгар посевной. Он заметно прихрамывал, а Бо сопровождал его, как поводырь.

– Теперь в ремонте нуждаются двое: крыша и я, – заявил Дарт.

– И еще окно.

– Да, ему тоже нездоровится. – Он подхватил со стола графин и залпом выпил всю воду. Кажется, дела с ремонтом у Дарта совсем не ладятся.

– Может, вызвать кровельщика? – любезно предложила Офелия. – Я знаю одного, он живет сразу за фермами.

– Починю все сам, как только будет подходящий для этого день.

Офелия пожала плечами. Она и не предполагала, что умение чинить крыши могло появляться только в определенные дни. Например, сестра рисовала чудесно в любое время, а вот играть в веревочку не умела никогда – все заканчивалось тем, что Флори запутывала пальцы и с досадой говорила, что вместо колыбели для кошки у нее снова получилось паучье гнездо. Еще полгода назад они устраивали беззаботные игры, а теперь даже не знали, куда подевались веревочки. Наверно, остались в Лиме или потерялись при переезде.

Пока она размышляла, Дарт напялил поверх рабочей одежды фартук, собираясь заняться ужином. Офелия предложила помощь, но ее вместе с Бо отправили прочь, чтобы не крутились под ногами.

Изгнанные и отверженные, они поднялись по лестнице и обосновались в коридоре, приспособив его длинное вытянутое пространство для игры в мяч. Офелия бросала, Бо мчался следом и возвращался с трофеем. Так повторялось снова и снова, пока мяч не врезался в стену, отколов кусок штукатурки. Дом содрогнулся, словно от землетрясения, и Офелия решила, что с игрой пора заканчивать. Вдвоем с Бо они, как провинившиеся дети, спрятались в спальне и без сил растянулись на прохладном полу.

Витраж в круглом проеме был перевернут ребром, и в комнату проникал свежий воздух, напоенный сладковатым ароматом весенних цветов. Жаль, окно располагалось слишком высоко, чтобы выглянуть на улицу. Оставалось только вообразить прекрасный сад и задаваться вопросом, распространяются ли на него правила дома.

За ужином Офелия вновь обнаружила на столе третью тарелку, которая с утра стояла как неприкаянная.

– Мы ждем гостя?

– Все уже в сборе. Ешь.

Офелия упрямо посмотрела на него. Очевидно же, что Дарт нарочно дразнил ее. Не пытался утаить правду, а предлагал догадаться самой.

– Что-то не так? – уточнил он.

– Пустую тарелку обычно ставят для привидений.

Дарт засмеялся – наверно, впервые за день. Вчера он был весельчаком, выдавая порции беспричинного смеха, а сегодня будто копил все в себе, чтобы разом просмеяться.

– Откуда... ты... это... аха-ха-ха... взяла? – едва выдыхая слова, произнес он.

– Там, откуда я родом, все в это верят, – насупившись, ответила Офелия. Она не любила, когда над ней смеются и считают глупой, а Дарт сейчас делал и то, и другое. Вдвойне обидно.

Он еще немного посмеялся – уже не так задорно, но, как бы ни старался, уголки его губ то и дело подрагивали, вот-вот готовые улыбнуться.

– Это не для привидений. Так я проявляю уважение к хозяину.

Когда речь зашла о безлюдье, его мимика смогла вылепить серьезную гримасу.

– А разве безлюдьям нужна еда?

– Все живые организмы чем-то питаются. Просто у каждого свой рацион.

– И что же ест безлюдь?

Дарт молча кивнул на графин, стоящий между ними. Внутри сосуда с изящным серебряным горлышком дрожала вишневая жидкость.

– Хозяин просил не задавать глупых вопросов, – напомнил Дарт.

Наконец она догадалась, что безлюдь умеет выражать эмоции. И одну – злость – уже пора выучить. Возможно, Дарт именно так и понял, что нужно ставить тарелку для хозяина, как жест, что о нем всегда помнят.

Точно так Офелия накрывала стол на четверых. Пусть родительские тарелки оставались нетронутыми, их присутствие заполняло пустоту на столе. Жаль, что сердцу нельзя помочь тем же.

Больше Дарт ни о чем не говорил. Пришлось принять его правила игры и есть молча, занимая себя мыслями о сестре. Наверно, Флори уже получила письмо и собирается домой. А завтра, да не повернется канал вспять, паром причалит к берегам Пьер-э-Металя. Флори придет сюда, познакомится с Дартом и его безлюдьем. Вот она удивится... и, хочется верить, не рассердится, когда увидит, во что превратилась ее ночная сорочка, в которой Офелия, за неимением другой одежды, шеголяла и сейчас.

Вечер прошел за тщетными попытками вернуть сорочке прежний вид. Пара грязных пятен так и не отстиралась до конца, а разорванный рукав не удалось бы зашить незаметно даже самой искусной мастерице, что уж говорить о двенадцатилетней криворучке. Она только руки себе исколола. Теперь ныло все тело: от кончиков пальцев до ступней. Бросив это напрасное занятие, Офелия натянула сорочку с мокрым пятном на боку и поморщилась: холодная ткань неприятно липла к телу, точно слизняк.

Выключив свет, она устало рухнула на кровать, но даже глаза сомкнуть не успела, как услышала что-то подозрительное. Звук был тихий и такой неразборчивый, что поначалу казался щекоткой в ушах, а затем в нем прорезался протяжный скрип. Так открывалась дверца шкафа, хотя Дарт точно запирает ее. Вопреки замкам, дубовые створки свободно качались в воздухе, пока не захлопнулись с грохотом, похожим на выстрел. Воспользовавшись моментом, Офелия подскочила к шкафу и дважды провернула ключ. Внутри что-то стукнуло и замолкло. Она облегченно выдохнула и вернулась в постель.

Не прошло и пяти минут, как все повторилось: стук, скрип, распахнутые настежь дверцы и шелест платьев, будто зовущий шепот. Тут уже впору испугаться, а Офелия вместо этого решительно двинулась в наступление. Навалившись на дубовую дверцу плечом, она потянулась за ключом, как вдруг тот вылетел из замочной скважины и саданул ее по руке.

Не дожидаясь, когда шкаф выкинет что похлеще, Офелия бросилась за Дартом. Но его нигде не было, и на крик он не отозвался. Она могла бы постучать к нему, да не знала, какая из десятка дверей в длинном коридоре ей нужна. Входить без спроса в другие комнаты безлюд не разрешал. Смирившись с правилами, Офелия вернулась и с удивлением обнаружила, что дверь в спальню заперта. Дернула за ручку раз, другой – не поддается. Попробовала толкнуть плечом, но это не принесло ничего, кроме болезненного ушиба.

Стены гулко задрожали, разномастные картины, висевшие над лестницей, тревожно зазвенели стеклами. Звук напомнил о рухнувшем буфете с посудой. Охваченная тревогой, Офелия спряталась на кухне. Вряд ли это могло остановить издевательскую игру безлюдя, зато здесь не было шкафа с живыми платьями и нашелся плед – уже достаточно, чтобы переждать беспокойную ночь.

Мостясь на стуле, Офелия собиралась бодрствовать до самого утра, но вскоре задремала.

Ее разбудил едкий запах гари. Виножник случившегося обнаружился сразу. Дарт швырнул сковороду в раковину и выругался:

– Завтрак отменяется. Эта зараза спалила яичницу.

Осталось неясным, кого обвиняет Дарт: печь или сковороду. Сегодня он выглядел неопрятно и дико, будто только что вернулся домой после долгих скитаний.

Офелия предложила приготовить что-нибудь другое, памятуя, что вчера Дарт показал себя прекрасным поваром. От одних воспоминаний о сырных кренделях ее желудок заурчал.

– Можешь готовить что угодно, – бросил Дарт, усаживаясь за стол. – Я голодный, как стая волков.

Он изобразил звериный оскал. Офелия осторожно выскользнула из-за стола, стараясь держаться подальше от Дарта, и оглядела запасы продуктов на кухне: скисшее молоко, горстка муки и последнее куриное яйцо, уцелевшее после яичницы. Не теряя времени на проверку кладовой, Офелия приготовила омлет. Стряпня выглядела неважно, хотя на вкус получилась сносной.

Уверенности в ней поубавилось, когда Дарт скривился при виде блюда.

– Это рыбы потроха?

Краснея от стыда, Офелия замерла, ожидая, что содержимое тарелки отправится в мусорное ведро. Вместо этого Дарт жадно набросился на завтрак и стал поглощать его с невиданной скоростью.

– А с чего вдруг ты спала тут? – Он ткнул вилкой в воздух.

Офелия испуганно вздрогнула, но столовый прибор не полетел в нее, а продолжил терзать остатки омлета на тарелке.

Услышав историю о громящем шкафе и запертых дверях, Дарт захохотал во весь голос, запрокинув голову назад, как будто в ее рассказе и впрямь было что-то забавное. Не в силах больше терпеть его выходки, Офелия сбежала наверх.

Дверь в комнату была открыта, словно запертые замки померещились ей спросонок. На полу, устроившись в гнезде из упавшего одеяла, дремал Бо. Она присела рядом и пробормотала:

– Ты тоже не выносишь такого Дарта?

В ответ пес положил морду ей на колено и блаженно прикрыл глаза, когда ему почесали за ухом. Он так и лежал, пока их не потревожил звонок, прозвучавший как десятки колокольчиков. Бо подорвался, а Офелия поспешила следом, уже зная, кто пришел. Пока они спускались, Дарт открыл дверь.

На пороге, окутанная утренним светом, стояла Флори. В лучах солнца ее темно-русые волосы, собранные в легкую прическу, отливали бронзой. Несмотря на изнурительную дорогу, сестра выглядела великолепно в платье с цветочной вышивкой и коричневой шляпке, сдвину-

той на затылок. В руках она держала дорожный чемодан и смятый лист с нарисованной картой, что привела ее сюда.

– Здравствуйте, я ищу свою сестру. – Флори кротко улыбнулась.

Дарт оглядел ее с головы до ног и присвистнул. А потом тягуче произнес:

– О, так вы госпожа... как вас там...

– Флориана, – мягко напомнила она и тут же изменилась в лице от внезапного заявления:

– Стало быть, цветочек? Из какой клумбы пожаловали?

Он снова зашелся в нехорошем, громком смехе. Флори кашлянула.

– А вы, стало быть, Дарт?

– Для вас Даэртон, – бросил он небрежно.

– Очень... приятно, – любезно выдавила она.

– И это я еще одет.

Пытаясь скрыть неловкость, Флори отвела взгляд и заметила Офелию, застывшую на лестнице. Губы сестры тронула слабая улыбка облегчения. Должно быть, письмо сильно встревожило ее. Офелия бросилась к Флори с объятиями и поспешила заверить, что все в порядке.

Их теплое приветствие нарушил нарочито громкий зевок. Дарт, как неблагодарный зритель, был утомлен скучным зрелищем. И откуда в нем столько черствости? Сохраняя удивительную для такого случая вежливость, Флори сказала:

– Спасибо за помощь, господин Даэртон.

– Не стоит благодарности, госпожа... как вас там... Ботаника?

– Ее зовут Флориана. – Офелия повернулась, чтобы смерить Дарта обиженным взглядом.

Она столько рассказывала ему о сестре, что он не мог забыть имя. Просто дразнил ради забавы.

– Да-да, именно это я имел в виду, – отмахнулся он и добавил напоследок: – Заходите на чаек в какой-нибудь... никогда.

Не успели сестры что-то ответить, как дверь захлопнулась перед ними, оставляя на пороге в полной растерянности.

– Кажется, нам пора, – заключила Флори.

Офелия поспешила за ней и не сразу осознала, что шлепает по пыльной дороге босиком. Поведение Дарта поразило их обеих: этот несносный грубиян совсем не подходил под описание «доброе и отзывчивое хозяина», каким его представили в письме.

– Не стоило оставаться у него, – рассуждала Флори, шагая впереди. – Постучала бы к соседям или к господину Лаберу, к кому-нибудь, кого мы знаем.

– Ну уж нет. Все в округе сидели по домам, пока я звала на помощь. И только Дарт откликнулся!

После этого сестра должна была проникнуться его героической натурой, но тут ей на глаза попались босые ноги Офелии, и Флори озадачилась вопросом, куда подевалась обувь. Рассказ о грабителях она слушала внимательно, стараясь скрыть тревогу под маской серьезности. Офелия упомянула о падении буфета, позволившем ей сбежать, а вот о том, что дом Дарта – настоящий безлюдь, решила пока умолчать. Лучше выждать время, когда Флори успокоится и согласится наведаться к нему.

Пока в голове Офелии зрел план, они прошли фермерские амбары и добрались до улиц – не таких пустых и безмолвных, как в ночь погони, когда весь квартал притворился спящим и глухим.

Увидев издали знакомую крышу, увенчанную сломанным флюгером, Офелия поежилась от мысли, что скоро вновь окажется там, где едва не погибла.

Дом, унылый и неприглядный, выражал полное безразличие. Входная дверь оказалась наглухо заперта, хотя Офелия впопыхах даже не прикрыла ее, и вряд ли это предусмотрительно сделали грабители. Возможно, они возвращались сюда позже или здесь хозяйничал сквозняк.

Флори открыла замок своим ключом, и сестры вошли, опасливо озираясь по сторонам. Свет в холл почти не попадал, а серая штукатурка на стенах только добавляла комнате туманной мрачности. Когда Флори зажгла лампу, тусклое желтоватое пятно легло на пол, оставив углы темными. Дом встретил их, будто ничего не случилось. Буфет стоял на том же месте, что обычно, в первозданном виде: стекла и дверцы целы, посуда аккуратно расставлена по полочкам. Офелия растерянно скользнула взглядом по доскам на полу, где должны были остаться следы крови, однако ничего не нашла, словно дом тщательно убрали и отмыли.

Флори осмотрела буфет: провела рукой по дереву, простучала стекла на дверцах, а потом проверила посуду. Ни скола, ни царапинки.

– Ты ничего не напутала? – Сестра старалась сохранить в голосе мягкость, и все же в нем звучала сдержанная строгость, точь-в-точь как у мамы. – Может, это был ночной кошмар?

– Нет! – В доказательство Офелия показала синяки на руках и ногах, не уточняя, что следы на запястьях оставили живые платья. Уж этому Флори точно не поверит. – Спроси у Дарта, он тоже видел грабителей. Они ему окно разбили!

– О, милая, я хочу тебе верить, но... – Сестра попыталась обнять ее.

Офелия обиженно отпрянула:

– А если бы Дарт тогда не поверил мне? Моя смерть тебя бы убедила?

Не в силах больше сдерживаться, она заплакала и, утирая хлынувшие к уголкам губ слезы, умчалась на кухню. Вспоминая события той ночи, Офелия толкнула дверь, ведущую на задний двор. Заперто. Даже ее любимая тарелка из глазури, разбитая грабителем, сейчас целехонькая стояла на столе.

Офелия опустила на пол и зарыдала еще горше. За всхлипами она не слышала шаги за спиной, только почувствовала, как рядом присела сестра. Осторожно, словно боясь обжечься, Флори успокаивающе погладила ее по волосам и прошептала:

– Недоверие значит нелюбовь. А я люблю тебя всем сердцем.

Глава 2

Дом в квартале Опаленных

Ночью Флориане мерещились то шаги на чердаке, то скрип дверных петель. От каждого шороха она тревожно вздрагивала в кровати, долго вглядывалась в полумрак и вставала проверить, как там сестра. Если удавалось задремать, беспокойный разум рисовал уродливые, чудовищные образы: не людей, не животных, а странных существ – они рычали скрипуче, как ржавые петли, и, запертые на чердаке, ходили из угла в угол. Один и тот же сон возвращался всякий раз, когда она закрывала глаза.

Не выдержав, Флори встала, расправила сбившиеся простыни и решила обойти дом. Ее тревожило, что мотивы грабителей оставались неясны: они ничего не украли и не тронули ни одной вещи. По рассказам Офелии, это были отнюдь не добряки, которые просто ошиблись дверью. Возможно, они искали не что-то, а кого-то. Ведь ее предупреждали, что упрямая борьба за дом в Лиме до добра не доведет...

Гоня прочь дурные мысли, она проверила спальню, коридор и заглянула в комнату к сестре. Офелия крепко спала, положив ладони под щеку и тихонько посапывая. В волнах ее темных волос тонуло перышко из подушки.

Флориана винила себя за то, что бросила сестру в такое сложное время. Дело не терпело отлагательства, и она уехала, как только накопила достаточно денег. Поездка не принесла ничего, кроме разочарования. Ее предложение обменять фамильный дом в Пьер-э-Метале на тот, где они жили прежде, отклонили: *«Городская собственность не наследуется и не может быть обменена на дом чужеземных земель»*.

С каждым прошедшим днем ее надежды вернуться в Лим таяли. И сейчас, обойдя весь дом, который даже при свете фонаря выглядел удручающе, Флори заключила, что никто не купит такую развалину.

Убедившись, что все двери и окна заперты, она вернулась вверх и помедлила у хлипкой лестницы, ведущей на чердак. Офелия уверяла, что слышала голоса призраков, обитавших под крышей. Флори не воспринимала игру воображения всерьез, но заглядывать на чердак не желала. Он и безо всяких потусторонних сил был ужасным местом – местом, где погибли родители. Стоило ей подумать об этом, наверху что-то гроыхнуло. Флори вздрогнула и едва не выронила из рук фонарь. Она попыталась убедить себя, что всему виной особенности постройки: раскаленная за день крыша остывала, издавая резкие хлопающие звуки; неправильно сложенная вентиляция гудела от потоков воздуха; а шорох издавали птицы, свившие гнездо на чердаке.

В этом доме всегда было серо и промозгло, точно в осеннем тумане. Флори продрогла и с упоением забралась под теплое одеяло, хотя не надеялась, что уснет.

Всю оставшуюся ночь она провела, размышляя о том, как быть дальше. Она чувствовала себя потерянной и бессильной – с того самого дня, когда пришла весть: их родители погибли, а дом в Лиме полагается немедленно освободить. Отец, Стэнли Гордер, заняв должность главного архитектора, получил жилье от города. Много лет этот уютный дом служил семье. Там сестры провели счастливое детство, и оттуда же их выгнали в момент, когда они сильнее всего нуждались в убежище. В официальных бумагах о выселении указали, что *«Стэнли Гордер по причине внезапной смерти не может продолжать работу в городском управлении архитектуры и пользоваться служебными привилегиями»*.

Сестры покинули Лим, и улица Чайных Роз, где они жили, сменилась мрачным видом на квартал Опаленных, названный в честь тех, кто тушил здесь крупный пожар. Давным-давно, в одно засушливое лето, трава вспыхнула, будто от спички. Ветер быстро пригнал огонь с окраин

на ближайšie дома. Дядюшка Джо, упокой Хранитель его душу, рассказывал об этом как очевидец.

От печальных мыслей в груди появился стылый комок, будто слезы заледенели и тяжелой глыбой застряли меж ребер. Вот что бывает, если не позволять себе плакать. Флори помнила мамины слова о том, что слезы похожи на морскую воду: щиплют, попадая в глаза, и делают их тусклыми. Мама оказалась права. Флори достаточно посмотреть в зеркало, чтобы убедиться: цвет ее глаз и впрямь потускнел, став как выгоревшая на солнце листва, а на лице еще отчетливее нарисовались веснушки, похожие на ржавчину, словно проступили там, где раньше были слезы.

Да, не стоило ей плакать, поэтому Флори взяла себя в руки и решительно шагнула в новый день.

Утро выдалось солнечным и жарким. В воздухе пахло сладко, будто в него подмешали сахар, и Флори казалось, что пить хочется не из-за быстрого шага, а от вдохов с приторным послевкусием. Она утерла пот со лба и переложила плетеную корзину в другую руку.

Офелия бодро шагала рядом, глаза на дома вокруг и не замечая, как стремительно улица набирает высоту. Прилсы жили на Зеленых холмах, и восхождение от квартала бедняков к роскошным особнякам было символичным.

Сестры договорились не оставаться дома поодиночке и теперь, будто связанные незримыми нитями, следовали друг за другом. Офелия считала это интересной прогулкой, Флори – изматывающей рутинной.

Она преподавала рисование дочери Прилсов и не то чтобы довольствовалась своей работой, просто в нужде выбирать не приходилось. Если ты голоден, то примешь и краюшку хлеба. Среди всех перспектив, поджидающих ее в чужом городе, преподавание было не просто хлебом, а сдобной булкой в глазури, так что Флори не жаловалась.

Дом Прилсов стоял под сенью раскидистых каштанов, униженных белыми соцветиями. Офелия сказала, что они похожи на большой торт со множеством свечей.

Дверь открыла экономка Долорес – женщина средних лет с пучком рыжих волос на затылке. Ее прическа всегда была одинаково аккуратна: ровный кругляш в невидимых шпильках, прилизанная макушка и ни одной выбившейся пряди. Флори подумывала о том, что именно эта прическа служила основой образа. Экономке с таким безукоризненным порядком на голове можно было доверить в управление целый особняк.

Долорес провела их в гостиную, обставленную бархатными диванами на изогнутых ножках. Впервые оказавшись здесь, Офелия с любопытством озиралась по сторонам, пока на деревянной лестнице, начищенной воском, не раздался стук каблучков, неизменно сопровождающий госпожу Прилс. Ей не было и тридцати, но выглядела она намного старше Флори. Вернее, это Флори казалась нелепым подростком на фоне статной женщины, которая даже дома предпочитала носить шелковые платья до полу и бархатные туфли на каблучке. Светлые волосы она укладывала волнами, по-старомодному, щедро пудрила угловатое, измученно-худое лицо и являла собой образец высокомерной строгости.

– Вы сегодня с сестренкой, Флориана? – Госпожа Прилс оглядела Офелию с тем же нескрываемым любопытством, с каким та изучала интерьер, и заключила: – Похожи как близнецы, только один будто не вырос.

– Возраст дело поправимое, госпожа. – Офелия притворно улыбнулась. – В отличие от чувства юмора.

На лице госпожи Прилс отобразились возмущение наполовину с растерянностью. Она просчиталась, приняв внешнее сходство сестер за сходство характеров. Но Офелия была не по годам остра на язык, в то время как Флори носилась со своей вежливостью, точно квочка.

– Погуляй в саду, детка, – бросила госпожа Прилс и, вновь обретя властную уверенность, обратилась уже к Флори: – Лили ждет наверху.

Флори и самой не терпелось сбежать из гостиной, чтобы приступить к привычным обязанностям. Однако сегодняшнее занятие давалось ей тяжело – сказались бессонная ночь и дурное настроение. У Лили тоже выдался непростой день. Она злилась, что набросок не получается, и в конце концов сдалась, швырнув карандаш на стол.

– Лора, мне скучно!

Флори не возражала, что ученица коверкает ее имя, пока не узнала, что является не единственной Лорой в доме. Среди ее тезок были фарфоровая кукла, рыбка в аквариуме и карликовая собачка, которая умела танцевать на задних лапках, выклянчивая печенью. Так что у Лили подобралась довольно занятная компания для развлечений.

Флориана мягко поправила ее и проговорила свое имя по слогам. Лили капризно надула губы и сжала кулачки. Как любой избалованный ребенок, она не любила, когда ей кто-то перечит.

– Ты сегодня скучная и строгая, как этот карандаш.

Она потрогала пальчиком слом грифеля, а Флори тоскливо подумала, что именно так себя и чувствует: брошенной, надломленной, уязвимой. Ей хотелось спрятаться в ящичке стола, чтобы никто не нашел.

После занятия Флори отправилась на поиски сестры. По мощеной дорожке, петляющей между цветущими кустарниками, прошла в глубину сада, откуда доносился чей-то плач. Вскоре она увидела, что за драма разгорелась в тени каштанов: Офелия растерянно вертела головой, явно пытаясь сообразить, как успокоить рыдающего Бенджамин – младшего из Прилсов.

– Тебя что-то напугало, малыш? – обеспокоенно спросила Флори и присела рядом, чтобы оказаться на одном уровне с Беном. Большие прозрачно-голубые глаза, блестящие от слез, словно были нарисованы акварелью на белом, почти бумажном лице.

– Садовики-и-и... – проныл он, тыча пальцем куда-то в сторону зеленой изгороди, разделяющей сад.

– Не нужно их бояться, они добрые.

Бен шмыгнул носом и осторожно переспросил:

– Садовики-добряки?

Не успела Флори ответить, как на них коршуном налетела нянька, подхватила Бена, будто птенца, выпавшего из гнезда, и утащила в дом. Бедняжка испугалась выговора за то, что недоглядела за малышом, и даже словом не обмолвилась.

Сестры переглянулись и, не стовариваясь, поспешили прочь. Едва оказавшись за пределами двора, Офелия попыталась оправдаться:

– Он сам попросил рассказать сказку. Откуда ж мне было знать, что его испугают садовики?

– И кто это?

– Ну... как лесовики, только в саду.

– А я подумала, что это какие-нибудь огромные жуки с челюстями мощнее секатора, – подыграла Флори и засмеялась, когда Офелия недовольно скривилась.

Фантазии младшей сестры были безудержны и неукротимы. Подобно волне, они накрывали всех, до кого могли дотянуться, и, сталкиваясь с нерушимой скалой реальности, возвращались обратно, вызывая волнение в ней самой.

Пытаясь увести разговор подальше от мерзких насекомых, Офелия сказала:

– У меня есть сказка поинтереснее. – И, хитро улыбнувшись, прошептала: – О живых домах.

А потом она поведала о Дарте, его безлюде и службе лютенем. Пояснение, кто такие лютены, было лишним. Флори читала о зрителях, домовых, безлюдских слугах – в литературе их называли по-разному, что вызывало путаницу. Если безлюди считались малоизученным феноменом, то лютенев в некоторых источниках и вовсе называли вымышленными персонажами. И Флори охотно могла поверить этому, поскольку в Лиме домовых к службе не привлекали. Слушая сестру, она не подала виду, что заинтересовалась, и лишь пожала плечами. Одно дело – с упоением читать об исследованиях, и совсем другое – столкнуться с настоящим безлюдом и его лютенем.

Офелия расстроилась, что ее рассказ не произвел должного впечатления, и больше не проронила ни слова.

Цветущие улочки постепенно сменились бурлящим котлом местного рынка. Торговцы спешили расстаться с товаром, громко зазывая покупателей. Глупый народ, точно стайка рыб, привлеченная наживкой, крутился вокруг прилавков, споря и бранясь в толчее.

Миновав главную площадь, сестры прошли душистые овощные и бакалейные лавки и смрадные от жары лотки с рыбой, обогнули деревянные столики антикваров, торгующих всяким хламом, и наконец оказались на самом краю рынка, где еще оставалось свободное местечко. Они примостились у края прилавка, рядом с хмурой торговкой чахлыми саженцами, которая взглянула на них так, будто яркие картины и праздничные кружевные салфетки оскорбили ее траур по увядшим растениям.

Обычно Флори продавала свои рисунки в деревянных рамках, а в этот раз не успела забрать их у господина Лабера – плотника, живущего неподалеку. Офелия натаскала камешки и прижала тонкую акварельную бумагу, чтобы ветер не унес.

Вскоре прилавок облепила целая стая зевак, и ушлая торговка саженцами с ловкостью заядлого рыбака выловила пару покупателей для себя. «Зачем любоваться нарисованными цветами, если можно наслаждаться живыми? – заискивающе вопрошала торговка, хватая за руки и заглядывая в глаза. – Эти цветы пахнут краской, а мои петунии – медовой сладостью». Кто-то попался на ее удочку и отворачивался от картин и вышивок, вдруг озаренный идеей купить горсть земли с поникшим цветком.

Им все-таки удалось продать немного, но даже скромная сумма была хорошим подспорьем после того, как все сбережения Флори истратила на поездку в Лим.

Монеты успокаивающе звенели в кармане, обещая несколько дней сытой жизни. Когда сестры отправились за покупками, рынок стал редеть и расходиться. Тем лучше, ведь в конце торгового дня многое отдавали почти даром: хлеб, овощи и фрукты. Они набрали полную корзину и даже умудрились обменять картину на несколько пригоршней крупы.

Очередь в пекарню гудела от голосов: городские делились сплетнями. Фермеры жаловались на загубленные посевы пшеницы, и все как один винили в этом безлюдей, распространявших сырость и плесень по всей округе. Жителям явно не нравилось столь опасное соседство.

В Пьер-э-Метале редко обсуждали безлюдей, словно надеялись, что благодаря всеобщему молчанию те перестанут существовать. Как безобразные нарывы на теле города, они вызывали у многих отвращение, их боялись и обходили стороной. О безлюдях вспоминали лишь в тяжелые времена, когда несчастья и горести обрушивались на местных жителей. И вспоминали затем, чтобы сделать их виновниками всех бед.

Флори стиснула зубы при мысли, что ненавидит этот город: грубый, как наждачный камень, и холодный, как металл. За полгода, проведенные здесь, она не стала для Пьер-э-Метале «своей»: убеждения местных не прижились в ее голове, безучастное равнодушие не вытравило из нее отзывчивость и дружелюбие, свойственное южанам, а надуманные слухи не превратили безлюдей в кошмар.

В ее родном Лиме их воспринимали как особую организацию жизни, имеющую право на существование. С одной стороны, безлюди были зданиями, а потому представляли интерес для градостроителей, архитекторов и управленцев; с другой – считались живыми организмами. Пусть брошенными, дикими и порой опасными, но *живыми*. Их популяцию следовало контролировать, а не убивать или ненавидеть. Безлюди нуждались в присмотре и заботе, как бродячие псы. Так считали южане.

Флори раздумывала о безлюдях и позже, занятая домашними хлопотами, которые странным образом ее успокаивали. Пока тесто для пирогов подходило, она прилегла отдохнуть. Бессонная ночь напомнила о себе слабостью в теле и головной болью. Флори и сама не заметила, как уснула, а очнувшись уже в темной комнате, когда первые сумерки сгустили краски дома до темно-серых оттенков. Она сползла с кровати, еще толком не проснувшись, и побрела вниз.

Ванная комната располагалась под лестницей – там, где обычно устраивают чулан. В этой каморке умещалась только небольшая посуда с лейкой, раковина и крохотное зеркало. Вместо окна были две круглые дырки в стене, а за ней – вентиляционный канал. Из-за постоянной сырости в комнате то и дело появлялась плесень, и приходилось подолгу выводить ее нашатырным спиртом, от чего запах становился совсем невыносимым.

Флори пыталась преобразить фамильный дом: следила за чистотой и порядком, застелила кухонный стол длинной скатертью с вышивкой, перекрасила старую мебель и разрисовала стены в спальнях, чтобы добавить красок унылым комнатам. Она изо всех сил пыталась полюбить этот дом, да так и не смогла.

На старой кухне, пышущей жаром печи, к ней присоединилась Офелия, и в четыре руки дело пошло быстро. Флори едва успевала раскатывать тесто.

– Пока ты спала, на чердаке опять кто-то ходил, – внезапно сказала Офелия, и вся идиллия рассыпалась в тот же миг.

– Наверно, мыши. – Флори небрежно пожала плечами.

– А мыши разве умеют разговаривать?

Чувствуя, как по спине ползут мурашки, она едва выдохнула:

– Что ты слышала?

– Свое имя. Кажется, меня звал папа.

Флори напугали откровения сестры: скверны их дела, если на чердаке и впрямь кто-то ходил; но если там никого не было – это еще хуже. Значит, Офелия до сих пор не смогла принять действительность и верит, что в доме живут призраки родителей. Вероятно, ночное вторжение грабителей расшатало ее неокрепшую психику, и следует возобновить походы к врачу.

Флори мягко улыбнулась, стараясь не выглядеть строгой:

– Фе, жизнь – не сборник сказок, чтобы верить в небылицы.

– Но и не учебник, где все правильно и понятно.

Офелия всегда рассуждала серьезно, но, потеряв родителей, резко повзрослела и обрела какую-то особую мудрость, словно получила ее в наследство. В то время как Флори чувствовала себя беспомощным ребенком, нуждающимся в защите. Оттого разногласия между сестрами были неизбежны.

Только Флори придумала, что сказать, как дом сотрясся от дикого шума, раздавшегося откуда-то снизу, из подвала. Офелия подскочила от испуга, задела кружку на краю стола, и та упала на пол, расколовшись надвое. Из-под досок эхом донеслись звуки: шаркающие и звенящие, глухие и скрипучие. В подвале кто-то ходил и мог без труда выбраться через лаз в полу. Задвижка на нем, как и многое в доме, была сломана, и чтобы остановить незваного гостя, следовало прижать люк чем-нибудь тяжелым.

Сестры принялись отчаянно толкать обеденный стол, но едва сдвинули его с места, как в люк ударили снизу. Поняв, что поздно возводить баррикады, Флори схватила скалку – пер-

вое, что попало под руку, и застыла в ожидании. Когда крышка люка гроыхнула и откинулась, Офелия вдруг заверещала: «Сто-о-о-ой!» – и оттолкнула Флори. Она устояла на ногах, но момент упустила.

Из-под пола выглянул Дарт – такой удивленный и растерянный, будто это к нему пожаловали незваные гости. Несколько мгновений они таращились друг на друга, потом Дарт проормотал:

– Ну и ну...

– Проваливай отсюда, иначе не поздоровится! – пригрозила Флори, потрясая скалкой в воздухе.

– Да я и так кашляю. – Он сделал показное «кхе-кхе» и тут же придал лицу более серьезное выражение, подходящее для переговоров. – Не нужно распускать... скалку. Я не злодей.

Офелия согласно закивала, но даже вдвоем им не удалось убедить Флори. Она крепче сжала «оружие» и напряглась точно пружина, готовая разжаться в любой момент.

– Фе, беги к соседям. Пусть вызовут следящих. Скажи, что у нас в подвале грабитель.

– Минуточку, – вмешался Дарт, многозначительно воздев указательный палец к потолку. – Что за выводы? Дай хотя бы объясниться.

Флори нервно дернула плечом и... уступила. Пусть Дарт болтает, пока она думает, как действовать дальше. Получив дозволение, он изобразил вежливый жест, сняв с головы невидимую шляпу.

– Не думал, что попаду к вам. На двери не написано.

– Нет там никакой двери, лжец! – выпалила Флори.

– А вот и есть. Просто спрятана за полками. Пришлось их повредить, но я все починю. – Он скорчил виноватую гримасу. – Дело в том, что безлюди связаны подземными ходами, и один привел меня сюда.

– И что с того?

Дарт поджал губы и, выдержав театральную паузу, заявил:

– Дамы, у меня для вас плохие новости. Кажется, вы живете в безлюде.

От шока у Флори застучало в висках, точно беспокойным мыслям стало тесно в голове.

– Это невозможно. В безлюдях никто не живет.

– Так-то уж никто? – хмыкнул Дарт, и на его лице вновь появилась эта противная ухмылочка. Никогда прежде Флори не испытывала столь острого желания огреть кого-нибудь по голове.

– Может, объяснишь нормально вместо того, чтобы умничать?

– Может, позволишь мне сесть, чтобы я нормально объяснил? – предложил Дарт, все еще балансируя на подвальной лестнице.

Флори не доверяла ему и предпочла бы держаться подальше, однако желание во всем разобраться перевесило. С их домом действительно происходило что-то неладное: шаги на чердаке, голоса, грабители, ничего не укравшие... Возможно, Дарт мог пролить свет на эти события.

Он выбрался из подвала, по-прежнему находясь под прицелом скалки, и поднял руки, как будто собирался сдаваться в плен. Выглядел он весьма странно: на нем были короткие серые штаны и хлопковая рубаша с расстегнутым воротом. На шее висела всякая дребедень – цепочки, нити, деревянные бусы, кожаные шнурки с маленькими ключами, наперстком и серебряными кулонами. Его нынешний облик разрушал все представления Флори о нем. Из грубого мужлана Дарт вдруг превратился в юнца, который, видимо, рос так быстро, что в одночасье штаны стали ему коротки. В таком обличье он совсем не вызывал опасения.

Они сели за стол: сестры с одной стороны, Дарт – напротив. Флори наконец отпустила скалку и размяла пальцы.

– Итак, – деловито начал Дарт, – вы живете здесь полгода. А что было с домом до вашего приезда?

Офелия оказалась словоохотливее и выложила всю историю.

Фамильный дом построил их прадед, и с тех пор наследие передавалось от отца к сыну. Поколение за поколением хозяевами здесь были мужчины, а после смерти одинокого дяди Джо дом перешел к Тейле Гордер – их матери. Она считала своим долгом позаботиться о семейном имении, пусть и не собиралась возвращаться в Пьер-э-Металь. Вскоре решение нашлось, и они наняли сторожа. Отец отправлял жалованье, а в ответ получал складный рассказ: весной сторож сажал на участке вишневые деревья, летом сражался с ежевикой, разросшейся на заднем дворе, а осенью сетовал на ураганный ветер, повредивший кровлю, которая после зимы совсем прохудилась. Потом все начиналось по кругу, проблемы сменяли одна другую как сезоны. Без крепкой хозяйской руки дом ветшал. И однажды весной, оставив дела, семейство приехало в Пьер-э-Металь, но вместо вишневого сада и залатанной крыши застало лишь разруху и запустение. Сторож исчез с деньгами, что успел вытрясти из доверчивых владельцев. В таком месте не то что жить, а переночевать было невозможно, и они, не успев перенести чемоданы через порог, повернули обратно.

Тейлу Гордер тревожило, что семейное имение, столько лет процветавшее до нее, теперь медленно превращалось в руины. Она не могла смириться с этим и осенью, воодушевленная идеями, решила снова отправиться в Пьер-э-Металь.

Уезжая, родители обещали вернуться через пару недель, но раньше них в Лим пришла страшная весть. Смерть четы Гордер расколола семью пополам. Флори и Офелия стали «сиротами Гордер» и, лишившись служебных привилегий отца, были вынуждены переехать в фамильный дом, простоявший в запустении почти три года.

К концу рассказа Офелия хлюпала носом и вытирала слезы рукавом, а Флори вдруг обнаружила, что слишком крепко сжала пальцы, впившись ногтями в ладони.

– Что ж, трех лет для безлюдя более чем достаточно, – заключил Дарт. Мрачное лицо выдавало, что история его тронула, однако он не нашел уместных слов, чтобы выразить сочувствие. – И раз все намекает на появление нового безлюдя, без домографа здесь не обойтись.

У Флорианы дрогнуло сердце. Когда-то она мечтала об этой профессии, да отец не позволил, считая, что изучение безлюдей – неблагоприятный труд. Откуда коренному жителю Лима, не поднимающему головы от чертежного стола, было знать, что в других городах все иначе. И пусть Флори подчинилась воле отца, она чувствовала щемящую тоску каждый раз, когда слышала о домографах – ученых, чей предмет интереса находился на стыке архитектуры и биологии; людях, которые разбирались в том, что другим казалось непостижимым. До сих пор это вызывало у нее благоговейный трепет.

– Пусть дом осмотрят. Безлюди разные, и пока никто не знает о нем, – Дарт обвел взглядом кухню, – вам лучше не оставаться здесь.

– Это опасно? – ахнула Офелия.

– Раньше времени бояться не стоит, – успокоил он. – И все-таки лучше не рисковать.

Офелия согласно закивала, поддерживая его даже после того, как он выставил их вдвоем за порог своего дома. Флори бросила недоверчивый взгляд на Дарта, правдоподобно отыгрывающего роль заботливого простачка.

– Если ты уверяешь, что это безлюдь, – начала она с вызовом, – объясни тогда, почему у нас нет лютена? По твоим же словам, местным безлюдям нужен посредник для связи с внешним миром.

К Дарту вернулась его самодовольная усмешка.

– Некоторые обходятся без помощников, а случается и так, что безлюди выбирают их слишком долго. Возможно, безлюдь воспринимает вас слугами и когда-нибудь заявит об этом. Ну и наконец, лютен может быть уже здесь, вы просто его не замечаете.

От последнего предположения сестры пришли в ужас и, переглянувшись, поняли чувства друг друга без слов. Что если шаги и голос на чердаке принадлежали лютену? Что если все это время рядом с ними жил кто-то чужой?

– Можем осмотреть дом сейчас, – предложил Дарт.

Флори отказалась, поскольку не хотела принимать помощь от незнакомого человека. Ее тревожила навязчивость Дарта, ибо она чувствовала в его поведении какой-то подвох. Что-то странное, неуловимое, вызывающее беспокойство. Намного безопаснее, думала она, попроситься на ночлег к господину Лаберу.

– Спасибо, это чересчур. Мы сами можем позаботиться о себе, – заявила Флори и одним взглядом дала понять, что ее не переубедить.

Дарт пожал плечами. Никого уговаривать он не собирался. Во всяком случае, небрежный жест говорил о том, что отказ его ничуть не расстроил.

– Помощь домографа тоже «чересчур»? – уточнил он и лукаво ухмыльнулся, когда Флори ответила, что домограф может прийти.

Офелия смотрела на нее с обидой и укором – вот уж кто был готов сбежать отсюда немедленно. Она попыталась запугать Флори тем, что дом действительно опасен.

– Фе, мы живем здесь полгода, и ничего не случилось.

– А грабители – это, по-твоему, ничего? Или раз тебя здесь не было, то не считается?! – огрызнулась сестра.

– Да когда ты поймешь, что... – Она не успела договорить, потому что вмешался Дарт:

– Дамы, я прошу прощения, но, кажется, у вас что-то сгорело.

Флори ахнула и вскочила из-за стола, вспомнив о выпечке на огне. Пирог уже сгорели и стали похожи на ломкие куски углистого сланца. Столько продуктов пропало, и все из-за Дарта, будь он неладен! Вне себя от злости, она обернулась, готовая высказать ему все, что думает... и растерянно застыла. Дарт исчез. Стук, раздавшийся из подвала, выдал беглеца. Прощаться он, очевидно, не умел.

Флори метнулась к люку и, заглянув в черноту подвала, смело вскочила на лестницу. Если бы не Офелия, подоспевшая с фонарем, она бы последовала в кромешную тьму. Нужно запереть дверь в подвале, чтобы больше никто не смог вот так бесцеремонно заявиться к ним.

Каменные стены в подвале дышали стылой сыростью. Выставив фонарь перед собой, Флори сделала пару неуверенных шагов вперед и остановилась, когда под ногами захрустело битое стекло. Темно-красные лужи, напоминавшие кровь, оказались разлитым вином, что с давних лет хранилось в бутылках. Она прошла дальше, минуя упавшие полки, и остановилась перед дверью: кривой и грубо сколоченной из досок. За ней скрывался тоннель, из глубины которого слышался тихий гул, будто коридор был дымоходом, где завывал ветер, и тянуло из него чем-то горьким.

Флори захлопнула дверь, не решившись идти дальше. Мало ли куда на самом деле вел этот подземный ход и какие ужасы таил. Может, Дарт хотел заманить их сюда? Пугающее подозрение заставило ее действовать.

Спотыкаясь об уцелевшие бутылки и пачкая подол платья в лужах вина, Флори разобрала завалы, нашла крепкую доску и сообразила из нее что-то вроде подпорки. Видимо, саму дверь сделали наспех и не позаботились о ее надежности.

Когда Флори вернулась, вместе с сестрой они закрыли люк, приколотили деревяшку к полу, чтобы получилась задвижка, а сверху еще взгромоздили сундук с обувью. К тому времени они окончательно вымотались, а им еще предстояла муторная уборка на кухне.

После долгих споров сестры договорились, что попросятся на ночлег к господину Лаберу, живущему неподалеку. Во всем Пьер-э-Метале не было людей гостеприимнее, чем его семья. Каждый раз, когда Флори приходила за рамами для картин, госпожа Лабер норовила усадить ее

за стол или передать угощение Офелии, а старший сын Райт вызывался помочь, чтобы донести несколько реек до дома.

Наскоро собирая дорожный чемодан, Флори сложила пару сменной одежды для двоих, конверт с документами и художественные принадлежности. Она как раз укладывала последние вещи, когда в доме что-то гроыхнуло.

– Слышала? – ахнула Офелия.

Флори наказала сестре оставаться здесь, а сама отправилась проверить дом. Крадучись прошла по коридору и, определив, что звук доносится из кухни, спустилась на первый этаж. По пути зажгла все лампы, хотя не надеялась, что свет защитит ее.

Полы на кухне сотрясались от череды мощных ударов. Кто-то неистово рвался наружу. Если бы не сундук, люк не выдержал бы такого напора. Флориане почудился слабый полустон, похожий на завывание ветра, – южане называли это «хором призраков». Следующие несколько ударов оказались такой силы, что деревянные полы заходили ходуном, будто перекладины подвесного моста. Мусорное ведро опрокинулось, вывернув все содержимое. Кружка, выпавшая вслед за кусками горелого теста, со звоном покатила к ногам Флори, – целая и невредимая, будто расколотые части срослись между собой. Это невозможно. Она попятилась к выходу и, когда из подвала снова раздался шум, уже без раздумий бросилась за сестрой.

Лестница шаталась под ногами, доски скрипели, куски побелки осыпались с потолка. В коридоре Флори едва не столкнулась с Офелией. Белая как мел, она торопилась сбежать из дома и уже сделала бы это, если бы не тяжелый чемодан. Флори перехватила ношу и поторопила сестру, пропустив вперед, чтобы не терять ее из виду.

Мерещилось, будто звук доносится уже откуда-то сверху, а потом опять снизу... или совсем рядом. Свет то почти затухал, то слепящей вспышкой появлялся вновь. Когда дом резко качнулся, Флори упала на колени, чудом успев схватиться за перила, чтобы не последовать за чемоданом, который с глухим стуком запрыгал по ступеням. Офелия помогла ей подняться и доковылять к выходу. Впопыхах они едва не забыли свои вещи. Флори пришлось возвращаться, и дом на прощанье чуть не пришиб ее дверью. Замки клацнули за спиной, точно зубы в пасти чудовища. Пути назад не было.

Растерянные и онемевшие от испуга, они зашагали по улице, почти ничего не видя вокруг. Черной бездной перед ними разверзлась городская окраина с ее полями и пустошами, ветхими лачугами и фермерскими бараками.

От сбившегося дыхания в груди засвербело, точно легкие вдруг поросли колючками, и Флори поморщилась, пытаясь угнаться за бойкой сестрой. Чемодан вдруг стал невыносимо тяжелым. Вот уж где пригодилась бы помощь носильщика Райта. Подумав о нем, она обернулась на дом господина Лабера и с сожалением признала, что туда идти нельзя. Примерные и дотошные в своей помощи, Лаберы непременно вызовут следящих и сделают только хуже. Пришлось признать, что Дарт – единственный, к кому они могут попроситься на ночлег. Он не станет задавать лишних вопросов и вызывать стражей правопорядка, что уже доказал своим молчанием ранее.

Вокруг клубилась тьма, и небо без луны и звезд, проглоченных тучами, казалось непроницаемым, пока его не расчертили всполохи молний. Спасаясь от надвигающейся грозы, сестры ускорили шаг, почти побежали, но дождь настиг их у пшеничного поля, хлынув резко, будто поток воды из опрокинутого ведра.

Нет, этот город определенно издевался над ними...

Хлесткие капли били по лицу, стекая за вороты платьев, ноги увязали в размякшей земле. Вспышки молний стали такими частыми, что уже напоминали мигающие лампочки, а гром зазвучал точь-в-точь как шум из подвала. На миг Флори показалось, что она очутилась в доме и переживает этот ужас заново.

Наконец сквозь пелену дождя показался безлюдь с парой тускло горящих, точно глаза, окон. Уставшие и насквозь промокшие, сестры постучали в дверь, и та медленно распахнулась. За ней никого не было. Они осторожно переступили порог и застыли, не решаясь пройти дальше.

Флори оглядела просторный холл, с волнением осознавая, где находится. Она всегда мечтала исследовать безлюдей, но никак не ожидала познакомиться с одним из них при таких обстоятельствах. Беспokoйно ощупывая пространство, ее взор наткнулся на фигуру, возникшую на лестнице. Дарт выражал собою сплошное удивление: взъерошенный, закутанный в одеяло и, очевидно, только что вылезший из постели.

– О, дамы, какими судьбами?

– С нашим домом творится... – путано начала Офелия.

– ...что-то очень странное, – завершила Флори.

– Так-так, а если поподробнее?

Со всей присущей ей любезностью Флори спросила:

– Можно для начала переодеться?

– А чем вас не устраивает мой наряд? – хохотнул Дарт в одеяле.

– Я имела в виду нас, – заметила она. – На улице дождь, мы до нитки промокли.

Он прищурился, внимательно изучая их. Грязь на ногах, прилипшие к телам платья, мокрые волосы... Дарт подытожил:

– И вправду до нитки. Что ж, тогда можете воспользоваться ванной. Правда, со сменной одеждой проблемы, у нас разный стиль.

Дарт спустился, шлепая босиком по ступенькам. Край одеяла шлейфом волочился за ним.

– Мы взяли одежду с собой, – бросила вслед Флори.

– О, так вы к нам надолго? – крикнул он уже из кухни.

Флори было открыла рот, чтобы ответить, но Офелия схватила ее за руку, увлекая за собой. Они поднялись по лестнице и нырнули в ванную комнату, полную нагретого воздуха и запаха мыла. Офелия действовала уверенно и непринужденно, почти по-хозяйски.

– Я смотрю, ты неплохо ориентируешься здесь, – ехидно заметила Флори.

– Не будь колючкой.

– От колючки слышу.

Сестры переоделись, а промокшие платья оставили сушиться. Они провозились так долго, что Дарт утомился ждать и завалился на стол, подперев голову рукой.

– Чай остыл, – с досадой сказал он, жестом приглашая их сесть, а потом с сарказмом добавил: – С удовольствием выслушаю рассказ о том, как вы были ко мне несправедливы.

Флори уловила его хитрый взор и поняла, что Дарт обращался к ней, но отвлекаться на извинения не стала.

– Кто-то пытался проникнуть в дом через подвал.

Дарт присвистнул, очевидно, выражая свое удивление:

– Ты уверена, что кто-то был там?

– Совершенно точно! – поддакнула Офелия, желая поучаствовать в разговоре.

– Кто-то нашел тот же ход.

– Это вряд ли... – нахмурился Дарт. – Разве что кто-то из лютепов... Хотя никто не стал бы ломиться в закрытые люки. У нас так не принято.

– Но ты же так делал!

– Я не считаюсь, – отмахнулся Дарт, и Флори не поняла, говорит ли он всерьез или лукавит. В любом случае объяснение звучало неубедительно.

Затем сестры, перебивая друг друга, рассказали о том, как дом взбесился и им еле удалось выбраться оттуда невредимыми.

– Знаете что, дамы, – заявил Дарт, вальяжно откинувшись на спинку стула. – Предлагаю решать вопросы на свежую голову. Допивайте свой чай и отправляйтесь спать. А утром подумаем, что с этим делать.

Флори не любила неопределенность, но спорить не стала. После сложного дня она не могла мыслить здраво – возможно, именно потому и оказалась здесь.

Воспользовавшись паузой, Офелия спросила, куда подевался Бо. Оказалось, пес боится грозы и прячется под кроватью. Эта история позабавила Флори, и она невольно начала улыбаться рассказчику. Стоило расслабиться, как мысли сами потянулись к Дарту и словно бы изменили его: взгляд смягчился, из ухмылки получилась добрая улыбка, а приятный голос подействовал успокаивающе. С трудом Флори избавилась от этого наваждения и сосредоточилась на чашке чая. Внезапно Дарт замолчал, как будто почувствовал, что его чары больше не действуют.

– Вы уж простите, я пойду спать, – сказал он зевая, а затем повернулся к Офелии: – Поделишься комнатой с сестрой?

Та смущенно улыбнулась в ответ и кивнула. Дарт подмигнул и выскочил из-за стола. В спешке он наступил на угол одеяла, споткнулся, кое-как устоял и поплелся прочь, напоминая облако, плывущее по темному небу.

Но какой бы располагающий вид он ни принимал, в мыслях Флори появилась червоточина сомнений и страхов. Чужой город, чужой дом и незнакомый человек. Можно ли так наивно доверять всему? «Нет», – с настойчивостью убеждала судьба, и Флори соглашалась. Однажды она поверила следящим и едва не поплатилась за свою беспечность. Это позволило ей раз и навсегда запомнить: лучшая защита от зла – замечать его прежде, чем пострадаешь.

Глава 3

Свой чужой дом

Ежась от утренней прохлады, Офелия закуталась в одеяло и вдруг обнаружила, что сестры нет рядом. Сон тут же развеялся, и она побежала искать Флори. Обнаружить ее оказалось проще простого: с кухни доносились запахи свежесваренного чая и сливочного масла. Старшая сестра пекла тонкие кружевные блинчики, щедро сдабривая их сахаром. Офелия спросила, откуда Флори взяла продукты. Нашла в кладовой – там, где и положено хранить продовольствие. Офелия указала на неприметную дверцу в углу и строго сказала:

– А тебе разрешили туда входить?

– Я и не спрашивала. – Флори пожала плечами, а потом с ухмылкой добавила: – А кто-то против?

Стало быть, правила дома Дарт просто выдумал. Иначе почему Флори бродит, где хочет, а ей нельзя и шагу ступить без разрешения? Офелия насупилась. Старшая сестра тут же придумала ей задание и поручила расставить посуду к завтраку.

Когда Бо с громким лаем выскочил из-под стола, Офелия от испуга чуть не выронила тарелку. Пес стрелой пролетел мимо и закрутился вокруг хозяина. Сегодня Дарт снова был каким-то другим, разлинованным и клетчатым одновременно: из-под полосатого халата виднелись пестрые пижамные штаны. Образ завершали карандаш за ухом и мятые листы бумаги, торчащие из кармана. В таком виде Дарт изобразил что-то вроде приветственного поклона, рассеянно потрепал Бо за ухо, а потом побрел к окну, огибая стол и протискиваясь между стеной и стулом. Он был искусным притворщиком, и если Флори это настораживало, то у Офелии вызывало восторженный интерес.

Дарт забрался на подоконник, чтобы разглядывать зеленую изгородь. Всем своим видом он показывал безразличие к тому, что творится на кухне, и от завтрака отказался. Флори фыркнула, очевидно, приняв отказ за личное оскорбление.

– В этом доме всегда снятся кошмары? – спросила она придиричиво.

– Не знаю. Мне вообще ничего не снится, – ответил Дарт и возвратился к созерцанию вида за окном.

– Мне всю ночь мерещились какие-то звуки... – продолжала Флори обеспокоенно. Офелия ничуть не удивилась. Просто безлюдье испытывал новую гостью, и даже хорошо, что она не попала в ловушку живых платьев из шкафа.

– Это из-за грозы. – Дарт даже не повернулся к ним и будто бы говорил с окном. Прислонившись головой к стеклу, он забормотал: – Ночью небеса плакали и метали грозные взгляды на город, а тот безропотно переживал непогоду. И только они вдвоем – небо и город – знали причину этой грозы...

Распевный голос Дарта смолк. Послезвучие слов повисло в воздухе и медленно угасло, поглощенное стенами. От его дыхания на стекле проступило и тут же стало таять запотевшее пятно.

– Это надо записать... – Дарт зашуршал бумагой в кармане, а затем слово в слово повторил прозаический этюд, пока водил карандашом по измятым листам.

Тем временем Флори задумчиво оглядывала помещение, словно искала подходящий повод, чтобы снова заговорить. Ее внимание привлекла дверь в углу – та самая, что осталась загадкой для Офелии. Наверняка сестра пыталась заглянуть и в эту комнату, пока хозяйничала на кухне.

– А что за той дверью?

– Проверь. – Дарт с небрежностью махнул рукой, роняя с колен листы.

– Она заперта.

– Почему?

– Тебе, наверно, лучше знать. – Флори пожала плечами. Она не любила глупые загадки, оскорблявшие ее острый, пытливый ум.

– Я уже и забыл, когда заходил туда.

– Судя по планировке, это столовая, – предположила Офелия, изучившая столько папиных чертежей, что могла бы ориентироваться в любом здании.

– Да. Точно. Все время забываю о ней. Когда живешь один, столовая ни к чему. – Дарт вздохнул, словно истина внезапно открылась и опечалила его, а затем устремил трагический взгляд куда-то сквозь стену. – Большие пространства не прощают одиночества. – Его взгляд переметнулся к ним. – Как вам? Надо бы записать, да?

Не дождавшись ответа, Дарт спрыгнул с подоконника, чтобы поднять оброненные листы, и устроился прямо на полу, записывая очередную мысль. В творческом порыве он и не заметил, как сестры выскользнули из кухни, чтобы не мешать.

– Я же говорила, что он каждый день разный! – воскликнула Офелия, запрыгивая на кровать.

– Он псих! – заявила Флори. – Мы уходим. Сейчас же.

Не дожидаясь возражений, сестра принялась собирать вещи. Их было немного, поэтому управилась она быстро. Офелия молча наблюдала. В голове крутилось столько слов, а вырвались почему-то самые неподходящие.

– Ты злая!

Флори щелкнула замками чемодана и замерла. Ее глаза потускнели и наполнились какой-то непостижимой печалью. Офелия тотчас пожалела о сказанном. Ей не хотелось обижать сестру, а только возразить, чтобы остаться. Возможно, Флори была слишком мнительной, опасливой, недоверчивой, но никак не злой.

– Прости, – прошептала Офелия, с трудом выдохнув слово. – Я... так не думаю. Просто не знаю, как тебя переспорить.

Флори присела на кровать – так близко, чтобы они соприкасались локтями.

– Не всегда нужно спорить, Фе, – ласково проговорила она, как будто позабыла о своей обиде. – Мы должны доверять друг другу, понимаешь?

Офелия кивнула и тут же снова стала препираться:

– Почему же сейчас ты не веришь мне? Дарт – не плохой человек. Он не сделал ничего дурного и всегда был добр к нам.

– Ты еще мала, Фе! – Старшая сестра снисходительно вздохнула, как будто разговаривала со своей семилетней ученицей.

Офелии не понравилось, что опять все свелось к возрасту. В споре это было чем-то вроде шулерства, спрятанной в рукаве карты, которая обманом появлялась на столе в момент, когда нужно спасти проигрышную партию. Флори часто мухлевала, а потому всегда побеждала. Вот и сейчас, уверенная в своей правоте, продолжала нагнетать:

– Ты не представляешь, что могут совершать люди, завоевав твое доверие.

– Я и не хочу представлять! – фыркнула Офелия. – Если в каждом человеке видеть врага, как тогда искать друзей?

– Я твой друг. Мне ты можешь доверять.

Пререкания могли продолжаться вечно, если бы не звон дверных колокольчиков. Флори тут же оставила нравоучения и убежала проверить, кто пришел. Сгорая от любопытства, Офелия последовала за ней. Когда они выскочили на лестницу, Дарт уже встретил гостя. Сестры не видели его, только слышали бархатный голос из-за двери. Услышав шаги, Дарт обернулся и проворчал:

– Домограф уже ждет. Долго будете возиться? Идемте!

Дарт вышел на улицу, не придав значения тому, что до сих пор одет в домашнее.

В спешке Флори зацепилась носком туфли за порожек и упала бы, не подхвати ее домограф. Он среагировал молниеносно, будто ежедневно тренировался ловить неуклюжих девушек. Флори густо покраснела, так что веснушки стали почти незаметны, и, пробормотав извинения, сбежала по ступеням, на ходу одергивая платье.

Домограф остался невозмутим: слабая улыбка едва промелькнула и тут же скрылась в аккуратной, будто бы очерченной под линейку, бородке. Весь его вид говорил – нет, кричал! – о крайней педантичности. Темные волосы зачесаны назад, дорогой костюм без единого залома и лишней ворсинки, обувь начищена до блеска. Не человек, а идеальная картинка. Офелия сомневалась, что когда-либо таких встречала. Еще больше ее поражало, что домограф оказался вовсе не седовласым старцем, умудренным многолетними исследованиями, а вполне молодым солидным человеком.

Рядом с ним стоял его антипод, чудаковатый Дарт: взъерошенный, суетливый, в неряшливой одежде. Пытаясь загладить неловкую ситуацию, он поспешил представить всех друг другу.

Имя домографа звучало заковыристо даже для здешних мест – так, что трудно повторить с первого раза. Зная это, он протянул карточку с его полным именем «Риндфейн Хаммонд Эверрайн», а также подсказкой – сокращенным «Рин». Оно напоминало дребезжанье велосипедного звонка, на котором развозили почту в Лиме: «Ринь-ринь-ринь, вам письмо!»

Кроме мудреного имени господин Эверрайн мог похвастать навороченным автомобилем с откидным верхом. Было непривычно оказаться в салоне, и Офелия долго не могла найти удобное положение: то упиралась коленками в переднее сиденье, то прижимала локти к бокам.

Пока она крутилась и вертелась, автомобиль катил по пыльной дороге. Рин вел размеренно и аккуратно: притормаживал перед кочками, объезжал ямы и никуда не торопился, чем очень раздражал нетерпеливого Дарта.

– Ты учился водить у гусеницы? – спрашивал он, нервно дергая ногой.

Рин сохранял спокойствие и отвечал, что сегодня выходной и спешить ему некуда. Тогда Дарт начинал бубнить что-то про транжирство времени и кучу домашних дел.

– Я заметил, что ты сегодня домашний. – На миг домограф отвлекся от дороги, чтобы бросить взгляд на полосатый халат. Дарт насутился и отвернулся к окну.

Когда они приехали на место, Рин предусмотрительно оставил автомобиль в тени чахлах деревьев, отделяющих дома от дороги. В полуденный час на улице было безлюдно, и никто не видел, как их разношерстная компания направилась к серому зданию: с виду оно больше походило на лечебницу, чем на чье-то жилище.

Прямая неотесанная туша из камня была построена их прадедом – детским врачом-терапевтом. Всю жизнь он провел в своем кабинете, что, скорее всего, приучило его довольствоваться маленькими помещениями и скромной обстановкой. С тех пор в облике фамильного дома ничего не менялось: он стоял на небольшом клочке земли и не имел никаких архитектурных излишеств.

Рин деловито обошел участок и заглянул в окна. Затем поднялся на крыльцо и, поставив на перила портфель, выудил большую тетрадь в картонной обложке. К верхнему уголку крепилась тонкая цепочка, держащая карандаш. Рин вручил канцелярию Дарту и снова нырнул рукой в портфель, чтобы извлечь странные очки с разноцветными линзами, будто собранными из осколков витража. Оправа у них была массивная, со множеством латунных деталей, а вместо дужек – кожаный ремешок на заклепках. Рин нацепил очки на лоб и повернулся к Флори:

– Вы хозяйка?

Она неуверенно кивнула. Домографа и такой ответ устроил.

– Что ж, открывайте дверь. Проверим, что прячет ваш дом.

Флори остолбенела. Покидая дом в спешке, они напрочь забыли о такой мелочи как ключи. Тем не менее дверь оказалась заперта, словно кто-то заботливо закрыл замок изнутри.

Сестра путано объяснила, в чем проблема. Рин, к удивлению, остался невозмутим, если не считать того, каким пронзительным взглядом он обвел своих спутников.

– Ты уверен, что они живут здесь? – спросил домограф у Дарта.

Получив какое-никакое, но подтверждение, Рин подошел к двери, чтобы изучить замочную скважину. Ему хватило пары секунд. Он самодовольно хмыкнул и вернулся к своему портфелю, откуда вытянул сверток из мягкой кожи, похожий на футляр для инструментов брадобрея. Затем присел, опершись на колено, разложил вещи прямо на крыльце и задумался. Заглянув ему через плечо, Офелия заметила внутри кожаного свертка десятки маленьких кармашков с металлическими заклепками. В них, как выяснилось чуть позже, хранились ключи от самых разных замков. Рин безошибочно определил подходящий.

– Теперь можно перейти к исследованию, – заявил он, открыв дверь. – Если пойдете внутрь, держитесь позади меня и молчите, ясно?

Все подтвердили, что принимают правила. Тогда Рин надвинул очки на глаза и решительно переступил порог. Дарт последовал за ним, а сестры остались стоять на крыльце, заглядывая в дом и не решаясь войти.

Рин двигался по темному холлу медленно, почти крадучись. Крутил головой, шарил в воздухе руками, изучая пространство на ощупь. Когда же он продвинулся ближе к лестнице, дом ожил. Стены задрожали, доски на полу разразились оглушительным треском и вздыбились, как шерсть разъяренного зверя. Посуда в буфете тревожно задрезбжала. Что-то зануло и заскрипело из глубины комнат, усиливаясь эхом.

Флори схватила Офелию за руку и оттащила подальше от порога, на крыльцо.

В отличие от них, Рин отступать не собирался. Он что-то сказал Дарту, и тот внес запись в тетрадь. Добравшись до противоположной от выхода стены, домограф прильнул к ней, будто хотел подслушать разговор в смежной комнате. Буфет огрызнулся звоном посуды, но не сдвинулся с места.

Под крышей заскрежетало, и Офелии померещилось, что потолок готов обрушиться. Только она об этом подумала, как волна горячего воздуха хлынула из кухни. Их словно бы обдало жаром из печного короба. Дарта сшибло с ног и протащило по полу, то же самое произошло и с домографом: как бы отчаянно он ни цеплялся за притолоку, невидимая сила вытолкала его и швырнула к входной двери. Вторая волна была обжигающей и такой мощной, что вынесла Дарта и Рина на улицу, словно щепки. Все произошло слишком быстро, и сестры, не успев даже ойкнуть, повалились друг за другом.

Расправившись с незваными гостями, дом стих.

Офелия, которая едва не скатилась по ступенькам, ушибла плечо. Флори отделалась стесанным локтем. А вот парням досталось сильнее. Дарт врезался спиной в перила, сломав деревянную балясину, и теперь кряхтел, как старик. Рина – как самого злостного нарушителя – дом отбросил за пределы крыльца.

– Спокойно, все под контролем! – донеслось из куста жасмина, откуда вскоре выбрался Рин.

Он отряхнул костюм, а затем снял с головы треснутые очки, не заметив, что в волосах застряло несколько торжественно-белых лепестков. Растерянно покрутив в руках сломанную оптику, Рин положил ее в портфель, а взамен достал пучок деревянных палочек и коробок спичек.

– Что вы задумали? – испуганно спросила Флори, наблюдая, как Рин решительно поднимается на крыльцо. Все выглядело так, будто он намеревался спалить дом.

– Все дома боятся пожаров, – отозвался Дарт. – Безлюди цепенеют от страха, когда чувствуют дым.

Пока он объяснял, Рин поджег несколько ароматических палочек и сунул их в замочную скважину.

Из-под двери потянуло горьковатым запахом древесного дыма.

– Думаю, я наглядно продемонстрировал вам, что это безлюдь, – бросил Рин через плечо. – Остались формальности.

Он подождал, пока благовония в замочной скважине прогорят, потом провернул ключ и толкнул дверь.

Появление Рина снова пробудило недовольство дома, но теперь оно выражалось лишь в потрескивании стен. Очевидно, дымный запах пугал безлюдя и заставлял умерить свой пыл. Теперь ничто не мешало Рину завершить осмотр. Он позвал Дарта на подмогу, вручил половину благовоний и распорядился проверить кухню, а сам направился на второй этаж. Доски на полу приняли свое привычное положение, звуки стали тише и теперь слышались откуда-то сверху, словно Рин увлек их за собой.

Дарт обернулся и с хитрой ухмылкой обратился к Флори:

– Не хочешь поучаствовать?

Конечно, она согласилась. Офелии ничего не оставалось, как последовать за ними. Флориане доверили нести пучок древесных палочек – и, судя по ее недовольному лицу, это было совсем не то, на что она рассчитывала, принимая приглашение.

Они обошли кухню, где не нашлось ничего подозрительного, кроме кружки, умудрившейся склеиться заново. Дарт решил проверить подвал, пусть для этого пришлось пройти череду препятствий: отодвинуть сундук, выбить засов и откинуть крышку люка. Из подвала дохнуло затхлостью, как из мешка с гнилой картошкой. Заметив на внутренней стороне люка темные пятна и разводы, Дарт изменился в лице и попросил фонарь.

Когда Офелия подросла с помощью, он уже перебрался на лестницу. Слабый желтый свет пятном упал вниз и вскользь озарил пол. Неясная картинка, словно вспышка, мелькнула перед глазами, – Офелия не успела понять, что это было. Резкий укол страха пронзил ее насквозь. Она не могла описать увиденное, но когда раздалась возгласы Дарта, упоминающие Хранителя, поняла: он обнаружил что-то ужасное.

– Позовите Рина!

Офелия бросилась к домографу, и спустя минуту они вернулись на кухню. Рин склонился над подвальным люком и тут же отпрянул, потому что Дарт выскочил оттуда как шут из шка-тулки – лицо бледное, глаза дикие.

– Там Мео... Мео... – Слова перемешались с судорожными вдохами, и Дарт никак не мог справиться с этим. Тем не менее все поняли, что он имел в виду. Его руки, перепачканные кровью, красноречиво говорили о том, что никак не удавалось произнести вслух.

– Дело дрянь, – мрачно произнес Рин. – Нужно вызвать следящих.

При упоминании стражей правопорядка Флориана напряглась.

– Мы здесь ни при чем, – затараторила она. – Вы же не думаете, что...

– Конечно, нет! – перебил Дарт. – Мы не думаем, что две юные особы могли размозжить человеку голову.

Офелия ахнула. Только сейчас она поняла, что видела в мелькнувшем пятне света. Стало дурно, перед глазами почернело, и она медленно осела на пол.

Когда Офелия пришла в себя, то уже лежала на крыльце дома, ощущая на лице прохладные капли воды. Очевидно, так ее пытались привести в чувство. Флориана сидела рядом и дрожала, будто от озноба.

– Нам нужно поторопиться, Фе, – пробормотала она, сжимая стакан с водой. – Я соберу вещи...

Офелия ощутила тот же страх, что и сестра. Им снова придется прятаться, как преступницам.

Собирая оставшийся скарб, они слышали о дальнейших планах: Рин намеревался сообщить следящим о происшествии, а Дарт оставался в доме, чтобы осмотреть подвал. Но прежде Рину предстояло сбросить балласт из двух напуганных сестер.

По пути они не проронили ни слова, и домограф сам, безо всяких вопросов, прояснил главное для них. Дом действительно оказался безлюдом – молодым, не умеющим управлять собой, а потому опасным. Рин подозревал, что убитый стал жертвой бесконтрольного безлюдя. Это были всего лишь догадки, но он обещал уладить ситуацию как можно скорее и посоветовал сестрам оставаться под присмотром Дарта. Флори, все еще одержимая недоверием к нему, попыталась возразить – и получила вежливый отказ.

– Как я понял, вы боитесь, что следящие заберут Офелию в приют? – уточнил Рин и, услышав положительный ответ, продолжил: – Понимаю ваши страхи, потому и предлагаю самое безопасное место, где следящие вас не найдут. А они *будут* вас искать.

Флори сразу сникла и обхватила себя руками. Офелия отвернулась к окну. Внезапно на нее накатило болезненное осознание того, в каком положении они оказались. У них забрали единственное пристанище. Оно стало безлюдом и местом чьей-то гибели... уже не в первый раз. Жуткая картина до сих пор стояла перед глазами. Очередной кошмар, заключенный в стенах фамильного дома.

Когда автомобиль остановился, Офелия спешно вытерла слезы и вышла первой. На сей раз безлюдь не торопился открывать им дверь, и Рину пришлось воспользоваться ключом из своего арсенала. Чемодан он оставил у порога, отказавшись входить в дом. Флори удивленно спросила почему.

– Мое присутствие раздражает безлюдей, – ответил Рин. – Не хочу доставлять неудобства.

По лицу Флорианы было понятно, что у нее осталась еще дюжина вопросов, которые она не задала из вежливости, чтобы не задерживать Рина.

Безлюдь спокойно воспринял их появление: притворился обычным домом и загалдел, словно не желал выдавать себя, пока лютена нет рядом. Зато Бо встретил их со всей собачьей радостью.

После обморока Офелия чувствовала себя отвратительно, словно у нее резко поднялась температура. Тревога и страх раскалили ее тело, как доменную печь. Флори уговорила ее прилечь. Офелия не хотела засыпать, боясь кошмаров, навеянных тем, что ей довелось пережить сегодня. Южане говорили, что сон исцеляет: очищает тело от усталости, а голову – от дурных мыслей. Кошмары, по их словам, вскрывают душевные раны, а из них, точно гной, выходят губительные чувства... До недавнего времени Офелия искренне верила в целебное свойство снов, но в западном городе суеверия с юга не действовали. Им не удалось заглушить ту боль, что поселилась в душе после смерти родителей, и вряд ли от этого существовало хоть какое-нибудь лекарство.

Как бы она ни противилась, веки сомкнулись, и сознание провалилось в тягучий, беспокойный сон. Почуввав чье-то присутствие, Офелия распахнула глаза и увидела в дверях Дарта в сопровождении Бо. Вместе с ними в комнате появился чемодан.

– Извини, что разбудил, – пробурчал Дарт. Лицо у него было мрачным, осунувшимся, словно сам он провел без сна долгое время и сейчас держался из последних сил. – Вам нужно уйти на пару часов, пока совет лютенов не закончится.

Она собиралась спросить, что это значит, но Дарт уже скрылся.

После сна Офелия чувствовала себя еще хуже и винила фамильный дом, убежденная, что он выкачал из нее все жизненные силы. Она даже села с трудом, пытаясь привыкнуть к тяжелой и неповоротливой голове.

Место, где они оказались сейчас, едва подходило для роли убежища, и одному Дарту известно, сколько еще опасных ловушек таилось в глубине запертых комнат. В каждом уголке

чувствовалась жизнь: занавески дышали, стены могли выражать эмоции, а платья в шкафу вели себя как живые.

В отличие от безлюдя, их фамильный дом обладал какой-то застывшей, мертвой атмосферой. Она поняла это с первого дня переезда и позже рассказала сестре о своих ощущениях. Флори сделала серьезное лицо и даже участливо покивала, но в какой-то момент вдруг нахмурилась, взяла Офелию за руку и произнесла речь: «Милая, я понимаю твои чувства... Мне тоже не нравится это место, потому что с ним связаны тяжелые времена, но дом не виноват, что мы видим его мрачным и неудобным. Он лишь отражает наше душевное состояние, понимаешь? Поверь, пройдет время, и ты полюбишь его, как бабушка, дядя Джо или мама...» Тогда Офелия ответила: «Я не хочу любить дом, как те, кто в нем умер!» Эти слова разозлили Флори. Щеки вспыхнули от гнева, взгляд стал колючим и жестким. «Больше не говори так никогда!» – процедила она сквозь зубы и отпустила руку, словно ей вдруг стало противно. Офелия упрятала тревожные мысли и боль так глубоко, чтобы они случайно не просочились опять. Их фамильный дом казался ей пугающим, холодным – как мертвец. А о мертвых плохого не говорят.

Внезапно стены дома сотряс громкий шум, похожий на удар в медную тарелку. Не прошло и минуты, как появилась Флори, чтобы поторопить.

– То Офелия ложись, то Офелия вставай, – проворчала Фе, слезая с кровати.

За спиной Флори нарисовался Дарт, который даже в своей нелепой пижаме выглядел сурово.

– Поздно, они пришли. Сидите как мыши. И запритесь. – Он хлопнул дверью и ушел. Пусть его слова прозвучали сдавленным шепотом, Офелию не оставляло чувство, что на нее накричали.

Когда в доме раздался металлический скрежет, Флори поспешно задвинула щеколду и прильнула к замочной скважине. Ничего не увидела, прислонилась ухом.

– Что там? – Офелия подкралась к сестре, и та жестом заставила ее замолчать.

До них доносилось множество разрозненных глухих голосов, но слов было не разобрать. Сестры сидели у двери, попеременно заглядывая в замочную скважину и прислушиваясь. Внезапно Офелия ойкнула, поняв, какую ошибку они совершили.

– Ты чего? – шикнула Флори.

– Наши платья! Платья в ванной! Мы оставили их сушиться.

– Уж точно лютены не в ванной собираются, – попыталась отшутиться Флори.

Конечно, маловероятно, что кто-то из лютенов обнаружит платья, изобличающие их присутствие в безлюдье. Да и неизвестно, чем это могло обернуться, однако Дарт не просто так беспокоился, чтобы сохранить тайну.

Офелия твердо решила, что должна пробраться в ванную и скрыть следы. Флори настаивала оставить все как есть и не высовываться, потому что намного опаснее попасться самой.

– Я, в отличие от платья, могу спрятаться! – упрямылась Офелия.

За перепалкой они не сразу различили шаги в коридоре, а когда звук стал приближаться, разом отпрянули от двери. Отползли подальше, как можно тише перебирая руками и ногами, чтобы не выдать себя. В щель между дверью и полом прокралась тень. Кто-то стоял с той стороны, тоже слушал или подглядывал в замочную скважину. Спрятавшись за грузным телом шкафа, сестры надеялись, что их не обнаружат.

Внезапно за дверью раздался голос Дарта:

– Что ты делаешь?

Женский голос взвизгнул:

– Искала уборную.

– А в замочную скважину проверяла, не занято ли? – Дарт держался легко, ничем не выдавая волнения или злости.

– Убедилась, что ломилась не туда.

– Давай вернемся к остальным. Не хочу затягивать совет...

Снова раздалися шаги – теперь умноженные на два, но удаляющиеся. Когда все стихло, сестры облегченно выдохнули. После этого стало понятно, что опасения Офелии не напрасны. Если та любопытная особа что-то почуяла через запертые двери, то платья, как сигнальные флаги, уж точно привлекут внимание.

Офелия вопрошающе посмотрела на сестру и прошептала:

– Я пойду!

– Может, лучше я?

– Нет. Я лучше знаю дом: как бесшумно открыть дверь, где спрятаться и какие доски на полу скрипят.

На самом деле ничего она не знала, но переспорить сестру было приятно. Перед тем как выйти, Офелия убедилась, что в коридоре никого нет, а голоса звучат откуда-то издалека. Она кивнула, и Флори почти бесшумно открыла щеколду. Офелия выбралась из одной комнаты и тут же юркнула в другую, напротив. Впопыхах она совершила непростительную ошибку: задела ногой ведро, и то предательски громыхнуло. Не прошло и минуты, как в коридоре раздалися торопливые шаги.

Сдернув платья, Офелия заметалась по комнате в поисках укрытия и не нашла ничего лучше, чем залечь на дно ванны. Она была готова пролежать здесь, пока все не уйдут, лишь бы никто не заметил ее. Кто-то вошел в комнату. «Проклятье!» – сдавленно выругался Дарт и открыл кран. Шум воды и гул труб заглушили все остальные звуки, а когда прекратились, Офелия четко расслышала, как появился кто-то еще.

– Все в порядке? – спросил мелодичный голос. Это была девушка, но явно не та, что заглядывала в замочную скважину. Любопытная говорила высоко и визгливо, а эта особа имела спокойный, обволакивающий слух тембр.

– А? – Очевидно, Дарт не ожидал встретить ее здесь, потому и растерялся.

– Ты сегодня выглядишь бледным и обеспокоенным... даже ни разу на меня не взглянул, – продолжала девушка.

– Мой друг погиб, – хрипло отозвался он в оправдание.

– Да-да, очень печально, но я не о том. – Ее голос зазвучал тише, как бывает, когда собеседник оказывается так близко, что переходит на полусшепот. – Мы давно не виделись, Дарти.

Офелия едва не фыркнула от отвращения, но вовремя вспомнила, что ей нельзя издавать ни звука. Спиной она чувствовала холод ванны, а к животу прижимала платья, еще сохранившие тепло котловой трубы.

– Лиза, нас ждут.

– Понимаю. Служба... и все такое, – томно вздохнула она. – Но я могу остаться после Совета.

– Не сегодня.

– Да ну. – Лиза удивилась отказу и обиженно добавила: – На тебя не похоже.

Несмотря на милый тембр, слушать ее было невыносимо, как и весь разговор, явно не предназначенный для посторонних ушей. Офелии хотелось стать жидкостью и просочиться в смыв ванны, где она пряталась.

– Один из наших умер, а ты ведешь себя так, будто мы собрались здесь поразвлечься! – не сдержался Дарт.

– Ты безнадежный псих и нытик! – швырнула она в ответ. Следом сердито застучали каблуки, хлопнула дверь.

Выждав с минуту, ушел и Дарт.

Офелия осталась в полной тишине, потрясенная невольным подслушанным разговором. Лежа в своем укрытии, она глядела на щербатый потолок, пытаясь перебороть неприятное,

липкое чувство. Думала о девушке, отвергнутой Дартом, и о том, как глупо звучит его прозвище. В какой-то момент Офелия спохватилась, что слишком долго возится здесь.

На сей раз ей удалось не наделать шума. Тенью она проскользнула обратно в спальню, где сестра встретила ее с вопросами:

– С тобой все в порядке? Тебя точно никто не видел?

На ее лице остался вдавненный след, какой бывает от подушки после долгого сна. Флори слишком долго просидела в ожидании, выглядывая в замочную скважину. Офелия заверила, что осталась незамеченной, и тут сестра протянула обрывок бумажки с неаккуратно нацарапанным предупреждением: «Тихо! Вас учуяли!» Записку оставил Дарт, когда услышал шум и вышел проверить, что случилось. Он сунул бумажку под дверь спальни, а затем скрылся в ванной комнате, где его застала «дама в черном», – в замочную скважину Флори видела лишь часть ее наряда. На вопрос, о чем они там говорили, Офелия ответила коротко и размыто, как только смогла сообразить на ходу: «Они спорили». Она хотела добавить что-то еще, но в самый подходящий момент под дверью появилась еще одна записка: «Вы свободны». Это значило, что совет закончился.

Глава 4

Танцующие дома

Лавандовое мыло пенилось, стоило легонько потереть ладонями. Интересно, откуда оно взялось в доме Дарта и в какое время он предпочитает пахнуть как саше из девичьего шкафа? Флори нежилась в пенной воде, позволяя себе думать о разных мелочах и сущих глупостях – главное, о чем-нибудь хорошем. Навязчивые мысли возвращались к утреннему знакомству с господином Эверрайном: его уверенной манере держаться, невозмутимому спокойствию и вежливости, деловому портфелю, коллекции ключей и безусловно скроенному костюму, пропитанному запахом сандала...

Она так увлеклась, что вода успела остыть, а мыльная пена – расплыться по поверхности рваными клочками, похожими на комья мокрой ваты. Дрожа от озноба, Флори выпрыгнула из ванны, наскоро оберлась полотенцем и нырнула в ночную сорочку, окутавшую ее теплым облаком. Это была «старшая сестра» безнадежно испорченной рубашки, которая после приключений с Офелией потеряла всякий вид.

Прихватив с собой вещи, Флори вышла из комнаты и тотчас налетела на Дарта. Она издала что-то вроде испуганного вдоха и отскочила в сторону. Хорошо, что чашка в его руках оказалась пустой, иначе бы все пролилось на нее.

– Думал, все уже спят, – рассеянно пробормотал Дарт.

Флори пожалала плечами. Когда она отправилась в ванную, младшая сестра играла на кухне с Бо, а теперь, наверно, уже видела десятый сон. Ее молчание прервалось неожиданным приглашением выпить кофе.

– На ночь? – удивилась она.

Дарт заглянул в чашку с кофейной гущей на дне и почесал затылок.

– Кажется, ты выпил целую чашку бессонницы.

На лице Дарта мелькнула тень улыбки: уголки губ дернулись вверх и тут же опустились, передумав.

– Надо бы записать. – Он похлопал карманы пижамы, где прятал бумагу, и попутно предложил: – Так не выпить ли чашку бессонницы в библиотеке?

Флори встрепенулась. В их *настоящем* доме – а его она считала идеалом – места для библиотеки не хватало. В нем помещалось только три небольшие спальни наверху, кухня, крохотная гостиная и бытовые. Не было даже рабочего кабинета, и письменный стол отца пришлось поставить прямо в коридоре, у окна. Домашняя библиотека с детства казалась чем-то волшебным и несбыточным, поэтому отказаться от предложения она не смогла.

Флори задержалась, чтобы оставить вещи в спальне, а после спустилась на кухню, где Дарт уже разливал бессонницу по чашкам. Бросив взгляд на его пижаму, мятую, с надорванной штаниной, она спохватилась, что сама разгуливает по дому в одной сорочке, и обняла себя руками.

Дарт на нее даже не смотрел, но робкий жест заметил.

– Замерзла? В корзине есть плед.

Он махнул рукой в сторону двери, ведущей на веранду. У выхода стояла большая корзина с парой шерстяных пледов. Флори замерла у стеклянных дверей: сквозь них слабо проглядывались изгибы плетеных кресел, но ее собственное отражение все равно было ярче. Она спешно поправила волосы, чтобы прикрыть уши – несуразные, причудливо торчащие, будто приделанные кукольным к ее фарфоровой голове.

– Если хочешь, можешь выпить после кофе сонной одури, – предложил Дарт. – Храню ее на случай бессонницы.

Она отказалась, поскольку не имела привычки пить лекарства по таким пустячным поводам. Дарт небрежно оставил пузырек на верхней полке, и тот затерялся где-то среди банок с крупами.

Подхватив две чашки, он кивком поманил Флори за собой. Вместе они поднялись по лестнице, прошли половину коридора и остановились. Дарт небрежно толкнул дверь ногой и, пятясь, вошел в комнату. Свет здесь был какой-то особый, оранжевый, похожий на тот, что появляется на закате. Книжные шкафы до потолка располагались по всему периметру комнаты, и казалось, что они и есть стены. Пахло старой бумагой, пылью, воском для полировки мебели, а теперь еще и кофе.

Первым делом Флори направилась разглядывать книжные стеллажи. Если верить пространственным убеждениям, содержимое полок многое рассказывало о человеке. Она ожидала, что библиотека лютена состоит из литературы о безлюдях, но перед глазами предстали совершенно другие книги: истертые фолианты с жизнеописаниями мыслителей, энциклопедии и словари. Одни полки были забиты пожелтевшими свитками и бесконечными чертежами, на других детские сказки соседствовали с научными трактатами. Атласы, справочники по картографии, альманахи и целый ряд книг о виноделии. Попадалась здесь и разная беллетристика, хотя на полках преобладали толстые энциклопедии, распухшие от собственной важности.

– Ищешь книги о безлюдях? – спросил Дарт, неожиданно оказавшись рядом, хотя Флори казалось, что мгновение назад он был в дальнем углу библиотеки. Когда она повернулась, Дарт протянул потрепанную книжицу со словами: – Есть только такая.

Флори осторожно провела пальцем по каллиграфической надписи на обложке: «Легенды о безлюдях. Дома, ожившие во времени». Книга была самодельной, о чем говорили и неровно сшитая обложка, имеющая происхождение из какого-то кожаного изделия; и намалеванное краской название; и разлинованные вручную страницы, заполненные убористым почерком.

– Рин выкупил ее у старьевщика. Если верить подписи, автор – один из первых домографов в городе. Можешь почитать. Только не верь всему, что написано. Говорят, некоторые заметки он добавлял уже после того, как сошел с ума.

Дарт лениво прошел к креслам, расставленным вокруг кофейного столика, и расположился в одном из них. Примятые подушки выдавали, что совсем недавно здесь кто-то сидел. Флори догадалась, что лютены заседали в библиотеке, и с этой мыслью заново оглядела комнату: на массивном письменном столе в компании вороха бумаг и разной канцелярии забыты стаканы во главе с пустым графином; стулья небрежно брошены посреди комнаты... Судя по беспорядку, людей было много.

– Лютены собирались тут? И сколько же вас?

Дарт помедлил с ответом.

– Двадцать или около того... Не коллекционирую лютенов, знаешь ли.

Устроившись напротив, Флори потянулась к чашке, оставленной на столике, и отвлеклась на исписанные листы, лежащие рядом. Она мельком увидела ряд имен и закорючки напротив, прежде чем Дарт сгреб бумаги и отнес их подальше от любопытных глаз.

– Это тайный документ, – заявил он. – Отчет полагается только для домографа.

– Вы отчитываетесь о том, как прошло собрание?

– Совет, Флориана, правильно говорить «совет», – мягко поправил Дарт, уйдя от ответа.

Это лишь подтвердило ее предположения.

Она ожидала услышать что-то еще о безлюдях или лютенах, но Дарт молча потягивал кофе, смакуя каждый глоток, точно специально испытывал ее терпение. Не поддаваясь на его уловку, Флори делала вид, что увлечена видом книжных полок, и размышляла, как добраться до верха, если нет библиотечной лестницы.

Наконец Дарт отлип от чашки, вытер губы рукавом пижамы и неожиданно сказал:

– Мео был моим другом. – И тут же умолк, тяжело вздохнув.

Его чувства отозвались в ней глухой болью. Флори хотела бы успокоить Дарта, сказать что-то вроде: «Когда-нибудь станет легче. Посмотри на меня, с этим можно жить», – но слова застряли в горле, точно кусок черствого хлеба. Она так ничего и не сказала, а Дарт продолжил:

– Рин считает, что это вина вашего безлюдья, но Мео слишком осторожный и правильный, чтобы лезть в неизвестные ветки тоннелей, которых даже на карте нет.

– Но ты же полез. – Флори небрежно пожала плечами. До сих пор оставалось загадкой, как Дарт обнаружил подземный ход, ведущий в подвал их дома.

– Я осматриваю тоннели раз в месяц. Это часть моей работы, – пояснил он, а затем снова помрачнел, заговорив о друге: – Его Дом-на-ветру один из самых богатых безлюдей в городе. Возможно, на него напали, а Мео пытался скрыться через тоннели и совершенно случайно обнаружил выход в ваш подвал.

Флори почувствовала укол совести. Она не хотела говорить этого, слова сами вырвались наружу:

– Мы слышали его, но не помогли. Мне очень жаль.

– Вы здесь ни при чем.

Между ними возникло неловкое молчание. Ей пришлось делать вид, что она увлечена содержимым чашки. Ох, как же глупо!

– Значит, кто-то нападает на лютепов? – спросила Флори спустя долгую паузу.

Дарт пожал плечами:

– Поговорим об этом завтра.

– Тогда о чем прикажешь говорить сейчас? – Чашка раздраженно звякнула о блюде.

– Ну, например, о том, как нехорошо подслушивать разговоры, – сказал он мягко, почти с улыбкой на лице, однако Флори встревожилась.

Она предполагала, что выходка Офелии не останется незамеченной, и тем не менее подумать не могла, что отвечать за это придется ей самой. Что ж, такова доля старших сестер.

– Слушай, – Дарт наклонился вперед, опершись на подлокотник кресла, – я знаю о каждом вашем перемещении по дому. Где бы вы ни находились и что бы ни делали. Так что впредь давайте без глупостей, ладно?

– Ты следишь за нами? – ахнула Флори.

Дарт усмехнулся, довольный, что так легко получилось запугать ее.

– Не я, мой хозяин.

Уютная библиотека тут же превратилась в душную комнату, а сидящий напротив человек – в коварного врага. Больше всего Флори хотелось уйти и хлопнуть дверью посильнее, чтобы стены содрогнулись.

– Если наше присутствие здесь такая проблема, почему бы не отправить нас в другое место?

– Вы связаны с безлюдом, вокруг которого творится что-то неладное. Вам лучше не теряться.

От возмущения у нее даже дыхание перехватило. Значит, вот кто они: ценные свидетели, запасные ключи, припрятанные на всякий случай. Наверно, она выглядела обиженной, поскольку Дарт смягчился и даже попытался успокоить:

– Знаю, ты считаешь меня злодеем и психом, но, поверь, это самое безопасное место для вас с сестрой.

– Я не... – начала она. Ее тут же перебили, не позволив оправдаться:

– У стен есть уши.

Флори вспыхнула, будто пламя, и взметнулась вверх, подскочив с кресла.

– А как же кофе? – бросил Дарт.

Уходя, она ответила ему обжигающим взглядом:

– Пейте его сами, господин Даэртон! Счастливой бессонницы!

Всю ночь Флори пыталась усмирить свои чувства: они свербели внутри, мешая уснуть и вызывая то мурашки, то жар. Она задремала уже под утро, а когда открыла глаза, то увидела первые солнечные лучи, пробивающиеся сквозь витражное окно.

Осторожно, стараясь не разбудить сестру, Флори выскользнула из постели. Офелия пролепетала что-то и, заворочавшись, тут же заняла освободившееся пространство на кровати. Ее длинные волосы разметались по подушке изящными завитками, напоминая чернильные росчерки на белой бумаге. Флори подумала о папиных чертежах. Она любила разглядывать их: точность линий, нанесенных уверенной рукой, вселяла веру в то, что и своей жизнью можно управлять так же осмысленно, твердо и продуманно. Флори скучала по ровному и спокойному прошлому, по аккуратным абрисам зданий, с которыми работал отец, по нему самому. Сейчас она разрешила себе подумать о нем, позволила горечи заполнить ее целиком, до самых кончиков пальцев, – так, что руки показались невероятно тяжелыми. Это напомнило о том, что даже огромное, сложное, непостижимое можно подчинить своей мысли, если превратить в чертеж.

Воспоминания об отце придали уверенности, и Флори твердо решила найти другое убежище. В этом доме их с сестрой считали запасными ключами, отложенными в пыльный ящик. По размерам безлюдь во много раз превосходил воображаемое место хранения, но даже в нем было тесно и неудобно. Флори сбежала бы отсюда сегодня же, будь у нее достаточно денег, чтобы оплатить комнату на постоялом дворе, да только за оставшиеся монеты не снять и койки в коридоре.

Прежде семья Гордер никогда не бедствовала, хотя и больших накоплений не имела. Бюджет истощали быт, ремонт фамильного дома и швейная лавка матери. Нередко ателье работало в убыток, существуя ради самой идеи. Они жили так, будто не допускали мысли, что может произойти плохое. Внезапная трагедия перевернула жизнь сестер и доказала: плохое не просто возможно, а неизбежно. Ему плевать, во что ты веришь, кем являешься и сколько денег имеешь; как бы то ни было, однажды оно появится в твоей жизни и попытается разрушить ее.

После смерти родителей у них отняли все: вначале дом в Лиме, а затем и мамину швейную лавку, которую прибрала к рукам предприимчивая тетушка Уайли. Она работала модисткой, звалась маминной подругой и была вхожа в их близкий круг. С детства Флори дружила с ее детьми и никогда бы не поверила, что они смогут с легкостью предать многолетнюю дружбу.

Ни друзей, ни семьи, ни дома, ни денег. Последние сбережения они потратили на похороны, переезд и отчаянные попытки вернуть то, что у них украли. Недавняя поездка в Лим тоже оказалась напрасной. Городское управление нашло лазейку, чтобы не отдавать дом, тетушка Уайли за полгода успела продать ателье, а на его месте новые владельцы открыли кабак. История швейной лавки утонула в бочках с дешевым пойлом, и никто не захотел разбираться, как так вышло.

Город отрекся от них, вырвал родственное прошлое с корнем и заперся на все замки, а Флори до сих пор лелеяла надежду, что, если долго стучать, дверь откроется.

Размышляя о жизненных трудностях, она сложила в чемоданчик последние картины для продажи. Стоило побеспокоиться о новых работах: в преддверии праздника на рынке царил небывалый ажиотаж, и покупатели хватали все без разбора. Флори подумала о салфетках с вышивкой, подходящих для украшения ярмарочных столов, а затем с досадой вспомнила, что коробка для рукоделия осталась в доме. Видимо, придется туда наведаться – одна мысль об этом вызвала неприятное, тянущее чувство в груди.

Флори оставила сестре записку с обещанием вернуться к обеду, а затем выскользнула из комнаты. На лестнице остановилась, чтобы разглядеть картины. Они были развешаны в

хаотичном порядке, будто кто-то швырнул в стену ворох листов, и те прилипли случайным образом: криво, косо и даже вверх тормашками. Детские каракули перемежались с искусно выполненными картинами, а грубые линии карандашных набросков сменялись воздушным касанием акварели. Несколько удостоились рамок со стеклом, остальные оказались прибиты к стене гвоздями или приколоты булавками. Среди картин затесались небрежные схемы какого-то механизма, засушенные ромашки в овальной раме и парочка гобеленов, изображающих мифических чудовищ. Возможно, каждый из бывших жильцов внес свою лепту в галерею над лестницей. Воображение разыгралось, и Флори представила большую семью, где одни рисовали и чертили, другие собирали гербарий, а третьи верили в мифы и легенды. Как же это было похоже на ее семью – на тех, кем они были совсем недавно...

В какой-то момент Флори поняла, что за ней тоже наблюдают, и поймала взгляд Дарта. Судя по раскрасневшемуся лицу и растрепанным волосам, прилипшим ко лбу, он только что вернулся с утренней пробежки.

– Куда это ты так рано? – спросил он.

– На работу.

– Ты же вроде преподаешь рисование? – Его слова прозвучали небрежно, как будто подчеркивая, что ему вообще не нужен ответ.

– Да, а еще продаю свои картины и вышивки.

– М-м-м, значит, тебе нужны новые материалы для рукоделия?

Флори удивленно уставилась на Дарта: почему он спрашивает? Откуда ему знать, что она задумала?

– С чего ты взял, что...

– ...ты собралась к своему безлюдю? – Его брови причудливо изогнулись. Он помолчал немного, выдерживая интригу, а потом принялся с напускной леню, растягивая слова, объяснять фокус с чтением мыслей: – Ты уходишь слишком рано. Вряд ли в такое время назначаются занятия, да и рынок еще закрыт. Значит, у тебя есть другие дела. Ты оставляешь сестру здесь, хотя не доверяешь мне, – следовательно, отправляешься в место, которое считаешь для нее более опасным, чем это. У тебя в руках дорожный чемодан, куда ты, возможно, планируешь сложить вещи. И наконец, я предположу, что раз ты собиралась в спешке, то могла забыть дома что-то важное. А что для тебя важнее, чем шанс заработать и съехать отсюда?

Флори застыла, пораженная монологом Дарта.

– Я могу предложить другое решение, – продолжал он.

– Опять заманишь в библиотеку, чтобы обвинить в чем-нибудь?

– Ты обижена на меня, Флориана? Позволь загладить вину. – Его лицо тронула вежливая улыбка, а потом он проворчал: – Ты идешь или нет?

Флори замешкалась, выбирая из двух зол меньшее: последовать за ним или же пойти в одиночку туда, куда ей совершенно не хотелось возвращаться. Она решила, что разумнее принять руку помощи.

Дарт повел через холл, мимо лестницы, в ту часть дома, где Флори ни разу не бывала. У запертой двери он остановился, чтобы произнести вступительную речь:

– Признаться честно, я хотел рассказать об этом еще вчера, но ты сбежала раньше. В общем, хозяин не против, если ты будешь пользоваться мастерской.

Дарт открыл дверь и любезным жестом пригласил Флори войти. Она попала в комнату, похожую на оранжерею: три стеклянные стены открывали вид на уютный дворик, а прозрачная крыша с деревянным решетчатым переплетом пропускала рассеянный свет. Паутина из лучей и бликов висела в воздухе, и казалось, что светятся сами вещи: широкий стол, пара стульев с округлыми спинками и перепачканный краской мольберт, задвинутый в угол.

Пока Флори замороженно глазела по сторонам, Дарт выдвинул ящики стола, заполненные до краев всем необходимым; нашлись даже нитки для вышивания, игольницы и отрезы дорогой

ткани. Она долго изучала пространство и разглядывала содержимое ящиков, а после отворила двери в сад. Тотчас на нее хлынул поток воздуха, сладкого от цветов и чуть горьковатого, травянистого.

Флори поблагодарила Дарта, а тот сухо ответил, что все устроил хозяин. Тогда она запрокинула голову, чтобы крикнуть в потолок «спасибо!», и ей почудилось, что по стеклянной поверхности пошла рябь, какую можно увидеть на воде в ветреную погоду. Или это была игра воображения.

Безлюдь раскрывал перед ней свои лучшие черты так точно и своевременно, будто не только следил и подслушивал, но и читал мысли.

– Надеюсь, хозяин уберет тебя от глупых поступков?

– Во всяком случае, на сегодня.

Дарт одобрительно усмехнулся:

– Тогда мир?

Они скрепили перемирие рукопожатием и вышли на улицу.

Флори медленно обошла дворик, огороженный невысоким забором. Деревья уже перемахнули за границу и медленно захватывали заброшенный участок, за которым начиналась пустошь. Обратная сторона дома, скрытая от посторонних глаз, выглядела намного красивее, чем обветшалый, выцветший на солнце фасад. Заднюю часть дома обвивали глицинии, их лиловые соцветия, похожие на виноградные гроздья, нависали над окнами и почти полностью закрывали каменную стену.

Она бы с удовольствием провела здесь целый день, если бы не работа. Пришлось отложить все мысли об отдыхе и отправиться к Прилсам.

Путь к их дому стал еще дольше и утомительнее. Несмотря на раннее утро, солнце раскало воздух. От жары не спасали ни тень деревьев, ни прохладный ветер с Почтового канала. Миновав последний подъем улицы, Флори устало выдохнула и с облегчением нырнула в тень каштанов.

Долорес встретила ее заявлением, что хозяйка сегодня не спустится. Предполагалось, что после такой новости нужно расстроиться или хотя бы изобразить печаль, а Флори изволила только кивнуть, скрывая радость от того, что сегодня не придется лицезреть надменную маску госпожи Прилс. Экономка хотела рассказать что-то еще, но Флори вовремя сбежала в класс для рисования.

Большие дома могли себе позволить помещения для чего угодно. Однажды Долорес обмолвилась, что у хозяев есть комнаты по их увлечениям: у господина Прилса – «табакерка», где он хранит и смакует сигары, а у госпожи – комната от мигрени, где она предпочитает проводить большую часть своего времени. Флори не знала, говорила ли экономка с сарказмом или впрямь считала, что сигары и мигрень можно отнести к увлечениям. К счастью, для своей дочери Прилсы выбрали более привычное и полезное хобби, выделив для него отдельную комнату.

Сегодня Лили была в хорошем настроении и прилежно выполняла задания, что утешило Флори, которая после долгой дороги чувствовала себя измотанной.

Перед уходом она заглянула на кухню, чтобы выпить воды. Нарочито медленно наполняя стакан, Долорес посетовала:

– Госпожа плохо чувствует себя со вчерашнего вечера. Я только и успеваю, что подносить чай с ромашкой да вишневую настойку. К обеду она либо успокоится, либо опьянеет.

«Либо лопнет», – подумала Флори, а сама промолчала. Долорес была из тех плутовок, что позволяли себе отпускать шутки и упреки в адрес хозяев, но не прощали этого другим. Ее стараниями любое неосторожно оброненное слово могло достичь ушей госпожи Прилс. Долорес служила верно, регулярно принося хозяйке сплетни и пересуды, как дрессированная собачка – тапочки.

– Передавайте госпоже Прилс мои наилучшие пожелания, – сказала Флори, прощаясь, и сбежала прежде, чем нашелся новый повод для беседы.

Покончив с одной работой, она поспешила на рынок, чтобы на сей раз занять выгодное место. Сегодня народу было больше обычного. Обозленные суетой и зноем, люди сновали туда-сюда, толкаясь тележками, корзинками, мешками, как будто для того и нагрузили их под завязку. Флори пробралась сквозь толпу, устроилась за деревянным прилавком и разложила товар: пару вязаных салфеток и несколько картин, нарисованных еще в Лиме. Местным не нравились виды ровных улочек, черепичные крыши и розы в глиняных вазах. Жители Пьер-э-Металья ревностно относились к своей культуре и быту, а потому торговля не заладилась.

Дрожащее марево висело над рыночной площадью, робкое дуновение ветра вместо прохлады приносило лишь тошнотворный запах рыбы с прилавков. Смирившись с тем, что сегодня ничего продать не удастся, Флори принялась складывать все обратно, как вдруг ее отвлек невнятный шум: короткий, тут же утонувший в привычном для рынка гуле. Она не сразу заметила фигуру, распластавшуюся на земле среди рассыпанных яблок. Остальные люди и вовсе оказались слепы, проходя мимо и заботясь только о том, чтобы не наступить на человека и не пнуть фрукты. Торговки даже не сдвинулись с места, не решаясь оставить прилавки без присмотра.

Флори оказалась единственной, кто пришел на помощь. Ухватив пострадавшую под руки, она помогла подняться и отряхнуть шерстяное пальто – тоненькое, но все же надетое не по погоде.

– Вы не ушиблись?

Кряхтя и охая, незнакомка утерла пот с морщинистого лба краем повязанной косынки.

– Я в порядке, милая, – с придыханием ответила она и, указав на опрокинутую корзину, добавила: – Только вот рассыпалось все...

Вдвоем они кое-как собрали яблоки, а когда закончили, Флори предложила донести корзину до дома. Старушка охотно согласилась, и они покинули рынок через задворки, оказавшись на изнанке торговых улиц. Люди им почти не встречались, а если и попадались, то с нагруженными телегами или с мешками, взваленными на плечи. Ноша их казалась неподъемной, однако и женщины, и мужчины упрямо тянули товар обратно на склады. Не зря это место прозвали Муравейником.

Раньше Флори не бывала здесь и теперь озиралась по сторонам, пытаясь запомнить ориентиры, чтобы выбраться отсюда самой. Старушка, шаркая впереди, постоянно твердила: «идти недалеко», а улицы становились все уже и грязнее. Наконец они остановились у арки, ведущей в глубину дворов с трехэтажными домами из серого камня. Флори догадалась, что они пришли в квартал рабочих. Его населяли строители, грузчики, машинисты и прочие трудяги, кто по долгу службы привык к серости и грязи, а потому смог обжиться среди них.

Старушка протянула сухонькую ручонку, похожую на куриную лапу, и сказала, что дальше справится сама. Флори с радостью избавилась от корзины, но не успела и шагу ступить, как ее схватили за запястье. Она оторопело оглянулась. Старушка успокаивающе улыбнулась и разжала крючковатые жилистые пальцы:

– Хочу помочь тебе за твою доброту.

Флори проследила, как «куриная лапка» нырнула в карман пальто, а потом что-то заставило ее посмотреть в лицо незнакомки. В ее серых, почти прозрачных глазах будто клубился дым.

– Я знаю, милая, в какую беду ты угодила... Тебе некуда идти, ты одурманена им. Но отныне у тебя есть безопасное место. – Дрожащая рука протянула ключ. – Возьми и спрячь!

Флори попяtilась и, едва шевеля губами, пробормотала:

– Спасибо, не надо.

– Возьми, – уже настойчивее проговорила старушка, хотя голос остался мягким и ласковым, как если бы она и впрямь разговаривала с ребенком. – Я не зову тебя с собой, потому что знаю: твоя сестра в его лапах, и вы заперты, словно птицы в клетке. Но когда почувешь опасность – беги от него! По ту сторону канала на склоне стоит деревянный дом, это ключ от него. На, возьми же!

Старушка ткнула в руку острым концом ключа, приведя Флори в чувство. Она не заметила, как взяла его, только сжала пальцы и ощутила холод металла.

– Береги себя, милая. Да пребудет с тобой Хранитель!

Старушка нырнула в арку и скрылась, оставив Флори в полной растерянности. Еще с минуту она не могла сдвинуться с места, будто ноги вросли в землю, а тело перестало подчиняться. Слова незнакомки посеяли тревожное предчувствие, прежние страхи напитали его силой, и оно стало постепенно разрастаться внутри.

Флори бросилась бежать и сама не поняла, как выбралась из лабиринта незнакомых улиц. Петляющая дорога привела ее напрямик к водонапорной башне, откуда была видна остроконечная ржавая крыша безлюдя.

Безумным вихрем Флори ворвалась в дом, нарушив его спокойствие. Тяжело дыша, прокричала имя сестры. Заглянула на кухню – никого. Поднялась на второй этаж. Сердце екнуло в груди от вида пустой спальни. В коридоре Флори снова позвала Офелию. Самая дальняя дверь отворилась, из комнаты выглянул Дарт:

– И зачем так кричать?

– Где она?

– Фе? – переспросил он растерянно. – Гуляет с Бо.

Она тут же бросилась вниз по лестнице, через мастерскую во двор и резко остановилась перед стеклянными дверьми. Офелия бегала кругами по небольшой полянке, а Бо с задорным лаем носился следом. Она хохотала, дразня мячом, и ее смех был похож на дверные колокольчики: суетливый, звонкий и перескакивающий с ноты на ноту. Флори давно не видела сестру такой беззаботной и счастливой. С тех пор, как... Тут Офелия заметила ее и помахала, зовя присоединиться. Хитрец Бо улучил момент и, подпрыгнув, ловко ухватил мяч.

Не желая нарушать их игру, Флори вернулась в дом, все еще трясась от необъяснимой тревоги. Кем была та старая женщина – сумасшедшей или ясновидящей? Быть может, знакомой дядюшки Джо, желающей предупредить ее? Флори запустила руку в карман и стиснула ключ, словно надеялась выжать из него правду. Из вещей получают лучшие держатели секретов. Ключ остался нем, погрузив Флори в мрачные размышления. Чтобы отвлечься, она занялась обедом. Кулинарная возня всегда успокаивала.

Она не заметила, когда Дарт появился на кухне, поэтому испугалась его и выронила из рук деревянную ложку, которой размешивала суп; та нырнула в кипящее варево и скрылась под толщей золотистой чечевицы.

– Кажется, нас ждет вкусный обед! – радостно воскликнул Дарт.

– Да ты бы и сам справился, – едко подметила Флори, – ведь о твоих кулинарных способностях ходят легенды.

Дарт изобразил на лице удивление, как бы говоря: «Правда, неужели?» Флори вытерла руки о фартук и пояснила:

– Офелия нахваливала твою выпечку.

– Выпечка – не суп, – усмехнулся он и уселся за стол.

Флори обратила внимание на его руки, вернее, на наперсток, который он забыл снять.

Дарт трактовал это по-своему и спросил:

– Не против, если подожду здесь?

Флори пожала плечами:

– Это твой дом. Сиди где хочется.

– Это мой *хозяин*, – поправил Дарт и отчего-то нахмурился.

Она извинилась. Дарт ответил, что сегодня принимает извинения исключительно вкусной едой, и пришлось поскорее подать ему обед. Ставя перед ним тарелку, она заметила, что наперсток уже исчез.

– Здесь двойная порция.

– Значит, ты прощена дважды.

Сегодня Дарт был поразительно мягок и учтив, словно пытался исправить вчерашний неприятный разговор или... Ключ в кармане платья добавил свою версию: «...чтобы усыпить твою бдительность, глупая!» Флори непроизвольно хлопнула себя по карману: «Замолчи!» Ключ словно стал занозой в ее теле: при каждом движении напоминал о себе, мешал и нервировал.

После сытного обеда Дарт обрел прежнюю разговорчивость.

– У меня появились кое-какие догадки. Хочу рассказать о них Рину.

Упоминание о домографе отозвалось в ней приятным волнением.

– А по нашему дому новостей никаких?

– Ты не дослушала. – Он исподлобья посмотрел на нее, и его вид можно было принять за осуждающий, если бы не хитрая улыбка. Флори изобразила, что закрывает рот на замок. Тогда Дарт соизволил продолжить: – Сегодня вечером я встречаюсь с ним в таверне. Возможно, ты хотела что-то лично спросить у него?

– Предлагаешь мне пойти *в таверну*? – ахнула Флори.

О местных питейных заведениях ходила дурная слава. Дралась и крали там чаще, чем пили. Ни один выпуск городской газеты не обходился без новости о беспорядках в Хмельном квартале. Совсем не то место, где Флори хотела бы скоротать вечер.

– Встреча пройдет в таверне моего друга. – Почему-то он решил, что это убедит ее.

– Пожалуй, откажусь, – поджав губы, ответила она.

Дарт что-то тихо пробормотал себе под нос, кажется, выругался, а потом, уже громче, сказал:

– Слушай, Флориана. Мой тебе совет: если хочешь поскорее разобраться в ситуации, изволь смотреть дальше своего носа. Понимаешь?

Она покачала головой. Нет.

– Ладно, объясню на примере. – Дарт поудобнее устроился на стуле и продолжил: – Мышь прячется в норке. Все запасы съедены. Чтобы не погибнуть голодной смертью, придется выбраться из убежища. Да, возможно, ее поджидает опасность, но если мышь продолжит трусливо прятаться, то неминуемо умрет от голода. Чувствуешь разницу между «возможно» и «неминуемо»? *Возможно*, в борьбе за свое благополучие ты столкнешься с опасностью. Но если даже не попытаешься бороться, то *неминуемо* проиграешь.

Флори не нашла что ответить, а просто застыла над раковиной, разглядывая растительные узоры на белой поверхности. Дарт был прав в одном: если она хочет поскорее решить проблемы, придется действовать самой.

Ноги путались в полах длинного плаща, и Флори ужасно боялась свалиться, пока спускалась по лестнице. Она не привыкла носить такое старомодное одеяние, но Дарт нашел, как убедить ее. «Надевай! И капюшон тоже. Иначе Прилсы не обрадуются, если узнают, что учительница их дочери шляется ночью по тавернам», – подтрунивал он. Флори послушно закуталась в плащ, бурча себе под нос: «А зачем тогда вообще тащить меня туда?» Вопрос остался без ответа, да она и не рассчитывала на него.

Офелия ждала у дверей. В глазах читалась ужасная обида. С самого детства она хвостиком следовала за сестрой, а если Флори упрячилась и не хотела брать ее с собой, начинала капризничать. Каждый раз Флори приходилось уступать лишь потому, что ее угораздило родиться первой, да еще и на семь лет раньше.

Капризы Офелия уже переросла, стала хитрее и научилась манипулировать. Вот и сейчас она предприняла попытку добиться своего:

– Можно с вами?

– Целая библиотека в твоём распоряжении. Тебе разве будет скучно?

– Мне будет страшно.

– С тобой Бо, он прекрасный охранник.

– Но... – Офелия замолкла, осознав, что ее манипуляция не сработала, и скривилась, будто лимон жевала.

– Придется смириться, что тебя выбросило за борт приключений. – Дарт мрачно зыркнул на Офелию, рассчитывая убедить если не словами, то взглядом. – Никто не пустит тебя в таверну, потому что ты ребенок!

Щеки Офелии вспыхнули от возмущения, но Дарт этого не увидел, уже устремившись к выходу. Прежде чем уйти следом, Флори утешающе улыбнулась сестре.

Дверь захлопнулась за ними сама, а замочный механизм сварливо заскрежетал, вторя настроению Дарта. Тот жестом дал понять, чтобы Флори поторапливалась, и они зашагали в сторону водонапорной башни – это был кратчайший маршрут, чтобы добраться до Хмельного квартала.

Долгое время оба молчали. Когда Дарт начал насвистывать какую-то веселую мелодию, Флори решила заговорить.

– Ты был с ней слишком груб.

– А ты – слишком мягка. И кто из нас ее убедил?

– Не убедил, а обидел.

– Думаю, теперь ты легко внушишь ей, что я мерзкий тип. Ты ведь этого хочешь?

Он остановился, чтобы понаблюдать за реакцией Флори. О его черные, как крепкий кофе, глаза можно было обжечься. Она первой отвела взгляд и ускорила шаг, будто надеялась сбегать от ответа. Дарт предпочел не гнаться и продолжил идти в привычном ритме, насвистывая мелодию. Так они добрались до аллеи каштанов, над которой висело облако медового аромата, в настоявшемся за день воздухе он казался почти удушающим.

Дорога обрывалась у Черных ворот – последнего рубежа перед Хмельным кварталом. Флори нарочно замешкалась, позволяя Дарту первым пройти под кованой аркой, напоминая остов сгоревшего дома. Ворота обозначали границы увеселительных заведений: все, что дозволялось внутри Хмельного квартала, не должно было выходить за его пределы. С другой стороны стояла такая же арка, только белая, похожая на скелет огромного чудовища. Пару раз Флори видела ворота издалека; их пугающий образ так и засел в голове.

Дарт бодро вышагивал впереди, словно гордился тем, что знает здесь каждый закуток. Только Флори подумала об этом, как он резко остановился посреди улицы. Она хотела спросить, в чем дело, но тоже увидела патруль следящих в конце улицы и замерла.

По меркам завсегдатаев питейных заведений, время было раннее. Таверны только готовились к открытию, а значит, никто не успел достаточно опьянеть, чтобы устроить беспорядки. Следящие ждали момента, когда можно нагряться и загрести дебоширов. Флори была хорошо осведомлена о жизни Хмельного квартала, потому что на рынке рассказывали разное, и грязные новости – чаще всего.

Сейчас блюстители порядка стояли на перекрестке и переговаривались со скучающим видом зевая, бесцельно шатающихся по улицам. Флори и Дарту следовало бы затеряться в толпе, а не стоять как два столба, ожидая, когда их обнаружат. Вычурный плащ, под чьим

капюшоном Флори скрывала лицо, сам по себе служил сигнальной ракетой. Возможно, он и привлек внимание одного из следящих. Медленно, будто механическая марионетка, он повернул голову в их сторону – и вдруг сорвался с места. Если бы не Дарт, увлекший Флори за собой, она бы попала в лапы следящего прежде, чем поняла, что происходит. Звук сигнального свистка прокатился над улицей и нагнал беглецов. Сердце заколотилось так сильно, что Флори почувствовала его всем телом: дрожью в коленях, пульсом в горле, шумом в ушах. В какой-то миг перед глазами потемнело, неприятное прикосновение вспыхнуло на коже и оборвалось, когда она вынырнула из забытья, оказавшись уже на другой улице. Сперва показалось, что они прошли сквозь стену, но, обернувшись, Флори увидела позади зеленую изгородь и следящего, что уже прорвался через заросли и снова приложился к свистку. Заслышав его, прохожие рассыпались по обе стороны дороги, чтобы пропустить беглецов и преследователя. Флори отвлеклась, едва не пропустив момент, когда Дарт нырнул в гущу людей. Его оклик направил ее, и она шмыгнула следом в узкое пространство между домами.

– Нужно избавиться от плаща. Он слишком заметен, – тяжело дыша, пробормотала Флори.

– Даже не думай, – шикнул Дарт, а затем, согнув ногу в колене, резко ударил в стену, на которую опирался. Стук и скрежет заполнили каменный карман гулким эхом. За спиной Дарта стало разрастаться черное пятно, поглощая его. В стене прятался вход, ведущий в темный коридор, куда они вдвоем прошмыгнули и оказались в кромешной тьме. Флори надеялась переждать в укрытии, однако Дарт повел ее куда-то, крепко ухватив за запястье.

– Где мы? – осмелилась спросить она, пытаясь разглядеть в окружении какие-нибудь очертания, чтобы воображение могло зацепиться за них. Стена слева, стена справа и низкий потолок над головой. Крепкий запах керосина, ударивший в нос, тоже не дал никакой подсказки.

– Продуктовый склад, – ответил Дарт. – Внутренняя стена защищает запасы от крыс.

Благодаря отцовским чертежам Флори знала о подобной уловке. В Лиме двойные стены возводили для больших зданий, чтобы поддерживать температуру в помещениях: ветреной зимой они дольше сохраняли тепло, а летом не пропускали жару с улицы. В Пьер-э-Метале двойным стенам нашли другое применение. Запах керосина, сконцентрированный в замкнутом пространстве, отпугивал крыс, и Флори надеялась, что это сработает и сейчас.

Они прошли до угла и выбрались из такой же неприметной двери, оставляя позади перекресток со следящим патрулем. Флори жадно втянула свежий воздух, уже набравший вечерней прохлады, и тут же поплатилась, ощутив жжение в легких. Стараясь не отставать, она зашагала за Дартом, с досадой отметив, что слишком быстро выбилась из сил.

Миновав ряд дешевых заведений, вытесненных с центральных улиц, они свернули за угол – и нос к носу столкнулись с тремя следящими.

Не стовариваясь, Дарт и Флори сорвались с места и побежали по оживленной улице, надеясь смешаться с толпой. Плащ, ярким пятном скачущий в людском потоке, превращал их в легкую мишень. Флори следовала за Дартом, надеясь, что он снова найдет способ скрыться от преследователей.

Радостная мысль о спасении промелькнула в голове, когда Дарт остановился у дверей одного из заведений и пропустил Флори вперед. Она мельком прочитала вывеску «Платья на пол!» и не сразу сообразила, что название красноречиво описывало происходящее внутри. Сладкое облако ванильных благовоний, терпких духов и едкого дыма окутало их. Не успели они и шагу ступить, как из тумана наперерез вышла громадная фигура.

– Со своим нельзя! – рявкнул вышибала и ткнул пальцем в сторону Флори.

Спорить с горой мышц было бы глупо, однако именно так Дарт и поступил:

– Мы работники.

– Да неужели? – пробасил вышибала, закатывая рукава. Его предупредительный жест был понятен: еще одно неубедительное слово – и Дарту пропишут удар, излечивающий от вранья.

И вдруг над их головами раздался чей-то томный голосок:

– Эй, Джул, пропусти его.

Флори посмотрела вверх и увидела на стене прилепленный балкончик, похожий на театральную ложу для важных гостей. Там, на резных перилах, изогнувшись в изящной, но чересчур наигранной позе, сидела девица. Ее вполне можно было принять за статую, и белые полоски атласа, служившие не одеждой, а несущественным прикрытием тела, лишь усиливали сходство.

– Я знаю его, он тут по делу, – сказала она и кокетливо подмигнула Дарту.

Вышибала, судя по придурковатому выражению лица, растерялся и всерьез раздумывал, стоит ли послушать девушку-статую.

– Сама будешь отвечать, если что-то пойдет не так, – наконец пробасил он и отступил. Громила вновь растворился в облаке сладкого дыма, струящегося из колонн, утыканных благовониями.

– С тебя подарок, Дарти! – крикнула девица вслед, и ее залихватистый смех эхом прокатился по залу, быстро смешавшись с общим гулом.

– Она... знает тебя? – спросила Флори, сверля взглядом спину Дарта. Не то чтобы она требовала от него ответа, просто старалась не смотреть по сторонам.

– Хочешь обсудить это? Серьезно? – отозвался он с явным удивлением.

Заигравшая музыка спасла их обоих от необходимости продолжать разговор. Они зашагали через главный зал, в центре которого располагалась высокая сцена, окруженная мягкими диванами с деревянными подлокотниками, куда розовощекие стаканщицы едва успевали ставить бокалы, рюмки и полные бутылки. Флори бросила один неосторожный взгляд на сцену – и тут же отвернулась, пряча лицо под капюшоном плаща.

На полпути Дарт уверенно свернул налево, к гобелену, изображавшему сад, где обнаженных тел было больше, чем деревьев. Они остановились, словно бы для того, чтобы рассмотреть сюжет в мельчайших деталях.

– Решил провести меня по всем значным местам? – проворчала Флори.

– Можешь закрыть глаза и представлять поле в одуванчиках, – ответил Дарт.

Стоило ему приложить ладонь к раме, обрамлявшей гобелен, как часть стены провалилась, открывая тайный проход со ступеньками, ведущими вверх.

Поднимаясь вслед за Дартом, Флори поразились, как легко он лавирует между пролетами и лестницами, словно подчиняет себе любое пространство или очень хорошо знает его.

Второй этаж представлял собой длинный коридор с разноцветными дверьми частных комнат. На каждой висела деревянная шкатулка с прорезью – что-то вроде почтового ящика, но для денег. Надпись гласила: «Гарантия вашей анонимности», что значило: щедрый клиент мог купить молчание вездесущих работников, а скупой рисковал своей репутацией.

В конце этого коридора их снова ждала лестница, теперь – вниз. Спустившись до последнего пролета, они прошли через черный ход и оказались на задворках. Ни души вокруг – только пивные бочки, башни деревянных ящиков из-под бутылок да брошенные у дверей четырехколесные тачки для перевозки снеди.

Здесь они задержались, чтобы перевести дух. За время пребывания в заведении с говорящим названием «Платья на пол!» плащ пропах омерзительно-сладкими благовониями, отчего Флори чувствовала в груди такую тяжесть, будто ее затянули в один из корсетов, в которых щеголяли тамошние стаканщицы.

– Что это было? – Флори кивнула на дверь, откуда они только что вышли.

– Проверенный способ улизнуть от следящих.

– М-м-м, часто бываешь здесь? – зачем-то спросила она и, сама того не желая, ухмыльнулась.

В глазах Дарта промелькнуло нечто, похожее на замешательство, на губах нарисовалась легкая усмешка.

– Не думал, что тебя это так волнует.

– Меня волнует моя безопасность. Не хочу попасться следящим.

– Можешь не переживать. Они всегда останавливаются там, забывая, за кем гнались, – самодовольно сказал он.

– Значит, это просто ловушка?

До сих пор Флори полагала, что действия Дарта сумбурны и случайны, а теперь понимала: он следовал по заранее проложенным маршрутам и не в первый раз удирал от следящих.

– А ты думала, я устроил тебе прогулку по местам моей славы? – Его брови приподнялись, изображая насмешливое удивление. Флори сделала вид, что не поняла сарказма, и, сохраняя невозмутимость, спросила:

– Почему они хотят тебя арестовать?

– А тебя? – с лукавой улыбкой отразил Дарт.

На мгновение между ними возникла напряженная пауза.

– Можешь не отвечать, – наконец выговорила она и отвернулась, чтобы не выдать истинных чувств.

Флори стало неприятно, что Дарт, не зная подробностей случившегося, позволил себе говорить о ее страхе с такой легкостью и небрежностью. Ему все казалось забавным, достойным насмешки или язвительной ухмылки.

Решение оставить секреты друг друга неразглашенными было правильным, и они снова стали союзниками, шагающими рука об руку. Флори все еще опасалась, что следящие преследуют их, но, кажется, ловушка Дарта и впрямь сработала. Ни один оглушающий свисток не нарушил жизнь Хмельного квартала.

Центральные улицы уже заполнялись суетой: кто-то катил на тачке пивные бочки, кто-то расставлял деревянные указатели с ценами, а у таверны «Бездонный стакан» парочка подростков разворачивала одеяло с товаром. По холодному блеску стали Флори поняла, что это ножи.

– Они продают оружие?

– Нет, столовые приборы. – Дарт угрюмо посмотрел на Флори. Снова этот взгляд, который пишет у нее на лбу слово «идиотка». – Ну конечно, оружие. Вдруг ты лишился своего ножа в самый разгар драки. Не домой же бежать за другим.

Дарт явно потешался над ней. Флори поджала губы и молча двинулась следом. Украдкой она успевала разглядывать вывески. Все здесь вызвало интерес. Они прошли еще одно увеселительное заведение – судя по обилию перьев, украшавших стекла, это было что-то вроде кабаре, а его размалеванный фасад пестрел надписью «Трясогузка». По соседству стоял скромный охотничий домик: из крыши торчали олени рога, на них болталась перекошенная вывеска «Девен и ружье». Никто здесь не останавливался – очевидно, охотники среди горожан встречались нечасто. Преимущественно здесь жили те, кто искал дешевых и пагубных развлечений. Через пару непримечательных пабов, привлекающих грошовыми ценами на выпивку, они наткнулись на игорный кабак «Пьянки-дамки». Как объяснил Дарт, здесь резались в шашки, выставляя на доску рюмки. Желаящих сразиться было много и на сей раз – народ околачивался у дверей в нетерпеливом ожидании. Они двинулись дальше, к таверне со странным названием «Паршивая овца». Было непонятно, что скрывается за вывеской, – вот уж где Флори совсем не хотела бы оказаться. Но, конечно, именно туда они и направлялись.

Дарт миновал главный вход и открыл узкую дверь с табличкой «Не входить». Как только Флори попала внутрь, в нос ударил резкий запах, смешавший в себе вяленое мясо, дым и хмель. Иначе говоря, таверна пахла подобающе своему предназначению.

У входа их встретил здоровяк, перекатывающий бочки из погреба на кухню. Увидев Дарта, он приветственно махнул ему рукой:

– Здоров, Лютер! Давненько ты не заходил. – Потом он заметил Флори, идущую следом, и добавил: – Тем более с подружкой.

Они пожали друг другу руки, и Дарт поспешил ретироваться, увлекая за собой Флори, не успевшую возразить, что она вовсе не та, за кого ее приняли.

– Почему он так тебя назвал? – шепотом спросила Флори, когда они попали в небольшой коридор.

– Эта рыба башка не знает, кто такие лютены, и думает, что меня так зовут, – недовольно бросил Дарт и открыл перед ней одну из дверей, приглашая войти первой.

Хитросплетения коридоров, комнат и лестниц привели их в закуток где-то под крышей – потолки были низкими и скошенными. Здесь их встретил седовласый мужчина, похожий на вяленую рыбу: такой же сухонький, пучеглазый и будто бы деревянный. Его костюм серо-бурого цвета лишь усиливал сходство. Невзирая на свой непривлекательный вид, он произвел впечатление добродушного и вежливого человека.

– Рад тебя видеть. – Он протянул руку Дарту в приветственном жесте. – Хозяин поручил проводить вас в комнату для важных гостей. Он приносит извинения, что сегодня не смог лично встретить вас. У него появились неотложные дела.

Дарт пробормотал что-то невнятное и нахмурился. Седовласый услужливо открыл перед ними дверь, и Флори, проходя мимо, одарила его мягкой улыбкой.

Они оказались в небольшом помещении, собранном из разных фактур и материй: стены были обиты зеленым гобеленом, а мягкие кресла – бордовым бархатом; ноги утопали в мягком ковре и наступали на подушки, разбросанные на полу. Крючка или вешалки здесь не оказалось, и Флори не стала снимать плащ. Мягкий бархат кресла обнял ее, и тело наполнилось невероятной усталостью.

Седовласый спросил, что они желают выпить. Дарт жестом передал слово Флориане, а она растерянно брякнула первое, что пришло в голову:

– Ромашковый чай, пожалуйста.

Седовласый застыл и пучеглазо уставился на нее.

– Может, сразу лавандовый лимонад или вино из роз? – спросил он.

Флори решила, что лавандовый лимонад идеально подойдет, чтобы успокоить нервы и утолить жажду. Издав в ответ какой-то странный булькающий звук, седовласый повернулся к Дарту:

– Что за прекрасная спутница с тобой? – А потом шепотом добавил: – Ей есть хотя бы пятнадцать?

Пока Флори растерянно крутила пуговицу на платье, Дарт заказал сидр им обоим. Седовласый скрылся, но его хриплый смех был слышен из-за двери.

– Не волнуйся, – сказал Дарт голосом врачевателя, уговаривающего ребенка на укол, – он имел в виду, что ты совсем не разбираешься в местных напитках.

– Он сам предложил.

– Это была шутка. Коул пытался намекнуть, что ты пришла в *таверну*, а не на детский праздник.

– Если шутки нужно объяснять, это плохие шутки, – огрызнулась Флори, хотя Дарт был вовсе ни при чем. Хотя нет. Он завернул ее в старый плащ, притащил сюда, подверг опасности, а теперь потешался над ней.

В угрюмом молчании они дождались напитков. Когда Коул ушел, оставив на столе два запотевших стакана, Флори спросила, где Рин, обозначая единственную причину, почему она еще здесь.

– Терпение, Флориана, скоро домограф осчастливит нас своим появлением, – голос его сделался томным и тягучим, будто Дарт успел опьянеть от пары глотков.

Он сидел в кресле, откинувшись назад и вытянув ноги. Вид у него был такой, словно он вырвался на свободу после долгого заточения. Не успел Дарт насладиться праздным бездействием, как дверь открылась – и на пороге возник Рин. Возможно, он был первым в таверне человеком, кто явился в костюме и с деловым портфелем.

Рин поприветствовал их и расположился в свободном кресле. От стакана сидра отказался, а шутку Дарта, предложившего взять хотя бы лавандовый лимонад, не понял, в отличие от Флори, метнувшей в остряка гневный взгляд, что лишь раззадорило его. Дарт повернулся к ней и скомандовал:

– Снимай плащ.

Она застыла в кресле и от неловкости, кажется, стала сама под цвет бархатной обивки. Дарт цокнул языком:

– Только плащ. Что не так?

Краем глаза она заметила, как Рин опустил голову, скрывая улыбку. Флори стянула с себя плащ и швырнула в Дарта, представляя, что бросает в него камень или что-нибудь потяжелее. Он проворно развернул плащ, вцепился в край и с силой дернул шелковую подкладку. Ткань звучно разорвалась, и наконец стало ясно, что значил весь этот маскарад. Дарт выложил на стол два конверта. Флори мельком глянула на них, прежде чем они исчезли в портфеле Рина, и возмущенно выпалила:

– Я не занималась на роль почтаря!

Дарт хмыкнул. Было видно, что ему не хочется тратить время на объяснения, и все-таки он сжалился над ней:

– Я боялся, что меня обыщут следящие. Здесь не та информация, которой мы готовы делиться.

– А в итоге следящий едва не поймал меня!

– Они гнались *за мной*, потому что... – Дарт запнулся.

– Ты преступник? – напрямую спросила она.

– Да, я вожу девушек по тавернам, спаиваю, а под покровом ночи уношу их тела в плаще, – зловеще прошептал Дарт.

Рин, сохранив невозмутимый и деловой вид, перевел:

– Он давно на особом счету. Вот уже несколько лет следящие пытаются его поймать на чем-нибудь.

– «Если был за решеткой раз – пригодится прийти во второй». Их любимая примета, – сказал Дарт с горькой усмешкой.

Флори знала присказку следящих, но виду не подала. Это было совсем не то, чем стоило бы гордиться.

– Значит, ты давно бегаешь от следящих. Тогда зачем корчишь из себя благодетеля, если просто прикрываешь свою задницу? – выпалила Флори и тут же осеклась. Не стоило девушке произносить таких грубостей. Рин думал так же.

– Кажется, атмосфера таверны особым образом влияет на вас, Флориана, – сказал он.

Она виновато опустила глаза, чувствуя, как щеки защипало от стыдливого румянца.

– Это все сидр, простите!

– Ты его даже не попробовала, – едко подметил Дарт.

Рин кашлянул и поспешил пресечь разгорающийся спор:

– Вернемся к делу. Нам многое нужно обсудить.

– Рин, будь добр, расскажи обо всем, а я пока выгуляю свою спасенную задницу, как изволит изъясняться эта милая леди.

Дарт подхватил свой стакан и переметнулся в другую часть комнаты, где Флори не могла его видеть. Легко было представить, будто он исчез вовсе, – и это, признаться, радовало. Общаться с домографом оказалось намного проще. Рин был вежлив и сдержан, говорил неспешно да к тому же обладал приятным тембром.

– Мои исследования подтвердили, что ваш дом – безлюдь. Он еще не проявляет никаких способностей, – опережая вопрос Флори, Рин пояснил: – Бывает, безлюди могут развивать особые навыки, например чтение мыслей, искажение пространства и прочее... Вероятно, ваш безлюдь пока слишком молод, чтобы похвастать этим.

– Значит, мы с сестрой можем вернуться?

Рин выдержал длинную паузу, прежде чем ответил:

– Я бы не принимал поспешных решений, поскольку проблема вашего дома не только в том, что он безлюдь... Вынужден напомнить, что в подвале обнаружен труп лютена, а за пару дней до этого в ваш дом проникли грабители.

– Грабители, которые ничего не украли, – подметил Дарт из глубины комнаты.

Флори нервно заерзала в кресле. В голове крутилось множество вопросов, и она надеялась получить хотя бы какие-нибудь ответы.

Рин продолжил:

– Мы полагаем, что взлом вашего дома и убийство лютена взаимосвязаны. И у нас есть догадки, кто здесь замешан. Утром, когда Дарт сообщил мне, что...

Дарт не позволил ему договорить и вернулся в разговор с очень странным вопросом:

– Флориана, тебе знакомо имя Сильвера Голдена?

Она нахмурилась, вспоминая, где и при каких обстоятельствах могла узнать это имя. Попыталась вызвать в воображении подходящий образ. Ни единой зацепки.

– Впервые слышу. Звучит как псевдоним.

– В точку! – воскликнул Дарт прямо над головой Флори. Его пальцы легли на спинку кресла, а в следующую секунду он наклонился и тихо сказал: – Прежде чем мы расскажем о нем, позволь кое-кого показать.

Он протянул руку. Его любезный жест Флори проигнорировала, но все-таки проследовала за Дартом к узкому окну. Чтобы заглянуть в него, пришлось встать на цыпочки. Из окна открывался хороший обзор на таверну, даже несмотря на табачный дым, застилающий свет.

– Внимательно посмотри вокруг. Узнаешь кого-нибудь?

В голосе Дарта слышалось нетерпение, волнение и... азарт. Да, несомненно, ему хотелось, чтобы Флори подтвердила догадки. Она прищурилась, рассматривая лица посетителей. Среди худых и толстощеких, щетинистых и бородатых, гладких и морщинистых не нашлось ни одного знакомого. Флори была вынуждена разочаровать Дарта во второй раз, а затем и в третий...

– Даже этого не узнаешь? – спросил он, указав на худощавого парня в причудливом кепи.

Флори отрицательно покачала головой. Дарт изобразил раздосадованную гримасу, а потом спросил, не сможет ли она в таком случае набросать карандашный портрет для других свидетелей. Он перетрусил плащ и вернулся к Флори с чистым листом и карандашом.

– Ты там письменный стол целиком спрятал? – фыркнула она, гадая, сколько же барахла ей пришлось таскать на себе.

– Только один ящик, – ответил Дарт, хитро сверкнув глазами.

Сильвер Голден мог быть кем угодно, но только не натурщиком, потому что и секунды не сидел на месте. Он крутился, дергался, активно жестикулировал руками, хохотал, откидываясь на спинку стула так, что его лицо пропадало в тени, а потом снова выныривало на свет. Флори никак не удавалось поймать спокойное выражение его лица.

– Не могли выбрать более подходящее место для рисования с натуры? – пробурчала она, когда Сильвер Голден в приступе смеха снова откинулся назад.

– У нас был вариант подкараулить его во время конной прогулки, но мы не стали *так* усложнять задачу, – язвительно сказал Дарт. Он стоял рядом и следил за ее работой.

– Спасибо за заботу.

Когда она закончила, Дарт довольно присвистнул, что можно было счесть за похвалу. Флори невольно улыбнулась и на радостях даже пригубила сидра. Она едва сдержалась, чтобы не скривиться, и вернула стакан на стол.

Тем временем Рин сложил портрет в портфель и наконец решил пролить свет на дело.

– Сильвер Голден – местный домоторговец. Работает с богатыми заказчиками, а с недавних пор занимается тем, что ищет дом для *важного* покупателя. Рассказывает одну и ту же легенду: его клиенту нужно особое место.

– И что здесь подозрительного?

– Районы, где Голден смотрит дома, вряд ли заинтересуют «важного и богатого заказчика». Вот, смотрите!

Рин достал из портфеля карту города и развернул на столе. Флори предусмотрительно убрала стакан в сторону, чтобы не упал, и наклонилась чуть вперед. Четыре точки на карте были обведены карандашом. Котел – промышленный район, над которым круглый год висело облако смога. Муравейник – его часть, расположенная за складами (Флори вообще не предполагала, что там есть жилые дома). Окраина Хмельного квартала и участок где-то посреди фермерских домиков. Ни одна из этих точек не принадлежала престижным улицам для зажиточных семей. Вряд ли эти места могли привлечь богатого клиента, разве что он хотел поселиться в неблагополучном районе, чтобы щекотать себе нервишки.

Рин взял карандаш и соединил отмеченные точки на карте. Получилась ломаная линия. Затем он раскрыл один из конвертов, принесенных в плаще, и разложил на столе что-то вроде чертежа: для Флори все выглядело как хаотичное переплетение линий, красных отметок и пунктирных стрелок, указывающих на прямоугольники с нечитаемыми буквенными обозначениями.

Дарт вернулся к обсуждению и, ловко выхватив карандаш, принялся объяснять:

– Здесь отмечены тоннели безлюдей. Если сравнить карту с планом города, можно обнаружить, что все улицы, где Сильвер Голден искал дома, находятся рядом с подземными тупиками.

– И... о чем это говорит? – слегка смутившись, спросила Флори. Она никогда не чувствовала себя такой глупой, как сейчас.

– Я уже упоминал, что безлюди связаны ходами. Раньше их строили без особого плана, просто прокладывали прямую дорогу от одного безлюдя к другому. Что-то бросали, где-то промахивались, вот и оставались обрывки этих ходов – тупики.

– Мы рискнули предположить, – подхватил Рин, – что Голден ищет дом рядом с тупиками. Его можно сделать безлюдом и получить доступ к тоннелям. А близость к тупикам упрощает работу. Легче пробить стену, чем копать под землей целую ветку.

– Кстати, ваш дом находится здесь, – Дарт ткнул пальцем в карту, – рядом с одним из тупиков. И кто-то уже проложил ход, соединивший ваш подвал с тоннелями. При недавнем осмотре я заметил новый участок и решил проверить, куда он ведет. У меня есть подозрения, что они пришли с этой стороны. – Он снова показал место на карте.

– Согласно Протоколу, – продолжил Рин, – новый безлюдь не может подключиться к тоннелям без разрешения домографа, но ваш такого разрешения не получал.

– Значит, действовали втихую и что-то замыслили, – подытожил Дарт.

– Пока мы выясняем мотивы, ваш дом временно находится под охраной, чтобы преступники не могли получить доступ к тоннелям.

От волнения у Флори вспотели ладошки.

– Вы же не выдали нас следящим?

– Нет. Они не спрашивали о хозяевах.

Ответ Рина успокоил Флори, хотя ключ в кармане напомнил ей о другой проблеме.

– Думаю, мы с сестрой загостились... Не хочется доставлять Дарту хлопот и отвлекать от важного расследования.

Она пошла на хитрость и представила все так, будто печется о делах Дарта. Рин был заинтересован в расследовании не меньше – и такой аргумент мог сработать. Раз он не хотел помогать сестрам Гордер, то в своих интересах сделает это наверняка.

Рин нахмурился, раздумывая, а потом сказал:

– Теперь, когда статус безлюдя подтвержден, я обязан помочь вам с жильем. Обещаю подыскать что-нибудь подходящее.

– Я была бы вам благодарна. – Флори поймала взгляд Рина и попыталась соорудить такую гримасу, как у Офелии, когда та хотела вызвать жалость и попросить о чем-нибудь.

Рин не успел ничего ответить, потому что Дарт внезапно засуетился:

– Нам, кажется, пора!

Он всучил ей плащ и, дожидаясь, пока Флориана облачится в маскировку, успел переброситься парой фраз с домографом. Говорили они так тихо, что ни слова было не разобрать. Подслушать их тайный диалог мешали крики и грохот, доносящиеся из зала.

– Вовремя вы уходите, – заметил Рин.

Хмельной квартал начал превращаться в себя настоящего, готовясь показать свой отвратительный характер.

Втроем они спустились по лестнице, а затем выбрались из лабиринта коридоров и рабочих помещений. Потасовка была в самом разгаре. Рин сказал, чтобы уходили без него, – очевидно, он не хотел появляться в компании лютена или просто держал в тайне их общее расследование.

Дарт не спешил покинуть укрытие, поскольку патруль мог появиться с минуты на минуту. Он выглянул на улицу и тут же отпрянул. В приоткрытую дверь Флори увидела, как мимо промчались мальчишки с баулами в руках, и узнала в них тех продавцов ножей. Они первыми заметили следящих и поспешили скрыться, завернув товар в кусок ткани. Им вслед раздался оглушительный свист – это подоспели следящие. Они ворвались в таверну, и волна шума превратилась в оглушающее цунами. Идеальный момент, чтобы прошмыгнуть незамеченными.

Дарт распахнул дверь и, схватив Флори за руку, увлек за собой прямо в толпу. Сигнальные свистки разбудили монстра: Хмельной квартал заревел, пришел в движение. Те, кому стоило бояться следящих, спешили скрыться, а самые любопытные рвались вперед, наперерез убегающим. В безумной толчее Флори совсем растерялась, чувствуя себя щепкой в людском море. Кто-то наступил на подол плаща, и она едва не упала, но Дарт вовремя подхватил ее. Флори бросила взгляд в направлении, куда они бежали, и увидела два узких дома-близнеца, тесно прижатых друг к другу. Разбитые окна и зияющие дыры в стенах выдавали в них заброшенные здания, где раньше, как гласили ржавые вывески, работали мотели.

Оказавшись на другой стороне улицы, они нырнули в проход между домами.

– Направо! – скомандовал Дарт, и Флори послушно юркнула в нишу в стене, где пряталась лестница, ведущая вниз. Сколько их сегодня еще будет?

Флори подобрала полы плаща, чтобы не путался под ногами, и стала медленно спускаться, боясь оступиться в полумраке.

– Куда мы идем?

– Домой, – шикнул Дарт, – через тоннели.

По спине Флори пробежали мурашки.

– Не волнуйся, мы почти пришли.

– А почему сразу не воспользоваться тоннелями?

Дарт нервно вздохнул и ответил:

– Потому что с лютенами лучше здесь не встречаться. А ночью, я надеюсь, все спят в своих кроватках.

Лестница закончилась, и они попали в узкий коридор, откуда несло жутким холодом и могильной сыростью. Флори стало дурно, но теплые пальцы Дарта, обхватившие запястье, привели ее в чувство. Следующая лестница вела наверх.

– Скажи «спасибо» Танцующим домам. Безлюди любят вежливость.

Флори обернулась, глядя куда-то в темноту, и пробормотала слова благодарности. Она знала, что названия безлюдям давались не случайно, – и ей стало любопытно, почему дома нарекли Танцующими. Дарт предложил угадать.

– Они движутся и могут рухнуть? – предположила Флори, карабкаясь по ступенькам наверх.

– Просто находятся в Хмельном квартале, – подсказал он.

– И там проводят что-то вроде... вечера танцев?

Дарт усмехнулся в темноте:

– Нет, просто нужно хорошенько опьянеть. Вот тогда и увидишь, как дома затанцуют.

Глава 5

Голодный дом

У Офелии было две причины для дурного настроения: ранний подъем и колючий воротник. Она не могла думать ни о чем другом, постоянно одергивая его, пока не расстегнула пуговицу на горловине. С другой проблемой так легко справиться не удалось. Плетясь за сестрой, Офелия зевала и терла воспаленные от недосыпа глаза.

До поздней ночи она ждала, когда Флори и Дарт вернутся, а сегодня сестра разбудила ее, чтобы потащить на рынок. Офелии нравилось разглядывать прилавки и слушать зазывные крики торговцев, однако несколько часов, проведенных на одном месте, становились для нее настоящим испытанием. Как речной воде, ей требовалось движение – течение, чтобы не превратиться в болото. Флори, напротив, любила покой и безмятежность, точно комнатный цветок, который нельзя ни подвинуть, ни переставить.

Будь Офелия такой же, смогла бы она той ночью сбежать от грабителей или защитилась бы тем, что заколола их иголками или зашекотала кистью для рисования? Пусть в семье никто не разделял ее неумного характера, именно он спас Офелию, в то время как Флори спасала ее каждый день. Являясь примером трудолюбия и необычайного терпения, Флориана обеспечивала жизнь им обеим: продавала картины и вышивки, над которыми корпела сутки напролет, преподавала рисование в доме Прилсов, мирилась с надменной госпожой, ее капризными детьми и скользкой экономкой, чьей любезности удостаивались только хозяева и почетные гости. Офелия бы и дня не вынесла в такой компании.

И все же она училась терпению у Флори, поэтому сегодня стойко выдержала за прилавком несколько часов. Им удалось распродать почти все, и они вернулись в прекрасном расположении духа. Однако стоило Офелии переступить порог, как она почувствовала тревогу. Что-то незримое, едва уловимое поменялось в безлюде. Он словно бы стал пустой оболочкой, скорлупкой от ореха. Флори тоже насторожилась: нахмурила брови, поджала губы.

Охваченные общим смятением, сестры попятились к двери, когда пустота дома заполнилась гулким эхом шагов. По лестнице спускался человек, и это был вовсе не Дарт. Незнакомец распростер руки в приветственном жесте, словно ждал дружеских объятий, и воскликнул:

– О-ла-ла!

– Кто вы? – строго спросила Флори.

Он ловко перескочил несколько ступеней и протянул ей руку, как если бы приглашал на танец. Вокруг его запястий были обмотаны платки с обтрепанными краями и небрежно завязанными узлами.

– Доброе утро!

– Уже день, – холодно ответила Флори.

– Что для меня несусветная рань, – заявил незнакомец и картинно закатил глаза.

С виду взрослый, улыбался он как четырехлетка Бен Прилс, растянув рот от уха до уха, с таким лукавством, будто замыслил какую-то шалость. При этом его миндалевидные, чуть раскосые глаза казались грустными из-за опущенных уголков. Весь сотканный из противоречий, он и одет был соответствующе: рваные на коленях штаны никак не подходили к добротному кожаному жилету. Если бы его увидела Долорес, ее бы разорвало от попытки определить, кто перед ней: бедняк или богач.

– Десмонд, друг Дарта.

Он произнес свое имя, дробя на слоги, словно пытался повторить звучание лесопилки, где «дес» означало удар молотка, а «монд» – заунывный шум пилы.

– А вы, стало быть, Фе и Флори? – уточнил он, поочередно указав на каждую.

И тут Офелия поняла, почему дом казался пустым: сегодня здесь не чувствовалось присутствие Дарта. Она спросила, куда он подевался. Дес растерянно взъерошил и без того торчащие волосы какого-то неопределенного цвета. Вернее, они были светлыми и темными одновременно – как ванильно-шоколадный пудинг.

– Дарт приболел. Просил приглядеть за вами, пока отлеживает себе бока.

– Мы не маленькие дети, нянька нам не нужна, – заявила Флори.

– Конечно. Будь вы ребенком, госпожа Гордер, – хмыкнул Дес, – вас бы не пустили в мою таверну.

Легкое недоумение мелькнуло на лице Флори и быстро сменилось осознанием. Тогда и Офелия сообразила, что перед ними владелец таверны «Паршивая овца».

– Что ж... – устало выдохнул он, как будто знакомство отняло у него много сил, – предлагаю выйти на свежий воздух и обсудить планы на день.

Они расположились на заднем дворике в тени дома. Кто-то перетащил сюда плетеные кресла, которые раньше стояли на веранде.

– Дарт говорил, ты художница, – заискивающе сказал Дес, усаживаясь рядом с Флори, и на ее щеках пионами расцвел румянец. – Я тоже немного рисую. В свободное от музыки время.

Тут он хитро зыркнул на Флори, будто проверяя, попала ли она на крючок его невообразимых талантов. Очевидно, он решил, что очаровал ее недостаточно, потому что добавил:

– На чердаке у меня творческая мастерская.

– Ох, ну надо же...

Дес попал точно в цель. Флори тут же растаяла и с упоением стала расспрашивать о чем-то своем, художественном. Офелия слушала вполуха, а сама пыталась сообразить, что же на самом деле случилось. Утром они не видели Дарта, и вполне возможно, что его друг говорил правду. Тогда почему сердце так ноет в груди? Офелия посмотрела на Деса и неожиданно встретила пылкий взгляд его темных глаз.

– Ну а ты чем занимаешься?

От растерянности она не смогла и слова вымолвить, застыв с открытым ртом. Наверно, выглядело это глупо.

– Ну, вот Флори – художница и учитель, – подсказал Дес, – а ты?

– А я... ее сестра.

– Ну, сестра – это не работа и даже не занятие.

Офелия хотела ответить что-то колкое, но на ум пришла только унылая правда:

– Вообще-то я учусь. Просто сейчас ярмарочные каникулы.

На время Ярмарки школы в городе закрывались, превращаясь в торговые и выставочные ряды. Школьники шили карнавальные костюмы, репетировали выступления и театральные постановки. Офелию, как чужегородную, к подготовке не привлекли, поскольку местные традиции доверяли лишь уроженцам Пьер-э-Металья. Из-за этого ее ярмарочные каникулы проходили в совершенно других заботах.

– Чудно, – только и сказал Дес. Тут же потеряв всякий интерес, он вернулся к Флори. Увлеченные разговором, они не заметили, как остались одни.

Офелия тихонько проскользнула в дом, намереваясь отыскать Дарта и убедиться, что с ним все в порядке. Она обошла холл и двинулась дальше, то замирая, прислушиваясь, то проводя рукой по шершавым стенам и гладким, истертым перилам лестницы. Прежде трясущиеся стены выражали злобу дома, а сейчас с ним происходило нечто другое.

Оглушительный грохот застал ее на лестнице. По звучности он напоминал падение стеллажа с посудой: слышался в нем и звон, и дребезжание стекла, и глухой тяжеловесный «бам». От испуга Офелия втянула шею в плечи и пригнулась.

На шум прибежали Флори и Дес. Единственный, сохранивший спокойствие, он попытался отправить их на улицу и удивился, когда сестры не послушались его.

– Мне нужно поговорить с Дартом. – Флори решительно шагнула к лестнице.

В один прыжок Десмонд достиг лестницы и преградил путь, опершись левой рукой на стену:

– С чего это вдруг?

– Слабо верится, что человек, которому нездоровится, может издавать столько шума, – подозрительно прищурившись, заявила Флори. Вторя ее словам, сверху настойчиво постучали. Кажется, кто-то ломился в закрытые двери.

Дес нервно закрутил на запястье повязанный платок.

– Дарт и впрямь чувствует себя неважно.

– Если так, ему нужен врачеватель.

Дес задумчиво почесал нос – прямой, с причудливо примятым кончиком, будто его вылепили из теста и случайно прищипнули пальцами. Офелия буквально слышала, как в его голове ворочаются мысли, словно он ищет правильный ответ.

– Может, Дарт – вампир? – не сдержавшись, выпалила она. – В доме нет ни одного зеркала... а еще он каждый день ведет себя по-разному. Я читала, что вампиры вместе с кровью жертв перенимают их повадки.

Тут она замолчала, поймав на себе взгляд Флори, намекающий, что все сказанное – полная чушь. Офелия и сама понимала это, просто пыталась разговорить Деса, явно что-то скрывающего.

– Нет здесь никаких вампиров, – отрезал он и сбегал от дальнейших вопросов под аккомпанемент новых стуков, явно исходивших из комнаты Дарта. Офелия ринулась следом, но Флори остановила ее.

– Даже если Дарту и впрямь нездоровится, где Бо? – принялась спорить Офелия, дождавшись, когда Дес скроется наверху. – Может, его заперли, потому что Бо лает на чужих?

– Или они оба под замком, – сказала Флори. – У него ключ в нагрудном кармане, заметила?

Офелия растерянно пожала плечами. На жилете Деса было с полдюжины карманов, за каждым не уследишь, но от внимания сестры не ускользнула подозрительная деталь. Флори поманила ее за собой на кухню и там, указывая то на медный чайник, то на полку с крупами, рассказала о том, что задумала.

Не тратя время попусту, они принялись за дело: Офелия отправилась сторожить лестницу, а Флори занялась приготовлениями. Она управилась до того, как Дес снова появился, волоча за собой позвякивающий мешок, полный битого стекла. «Пустяки», – бросил он, выходя на улицу. Флори подозрительно нахмурилась, но, заметив Деса в дверях, нацепила на лицо фальшивую улыбку, которой научилась у Долорес:

– Может быть, чаю?

– Нет, спасибо, – проворчал он, отряхивая руки от пыли. – Мне хватает жары снаружи.

– Южане пьют горячие напитки, чтобы проще переносить жару.

– Значит, южане ничего не смыслят в напитках.

– Тогда, может, холодный чай? – настойчиво продолжала Флори.

– И откуда ты возьмешь столько льда? Отколешь кусочек своего сердца?

Улыбка сползла с ее лица, и Флори в смятении застыла перед Десом.

– Тогда жду вас во дворе. Я нашел развлечение получше чаепития. – Он показательно похлопал себя по нагрудному карману, откуда торчала колода игральных карт, и скрылся за дверью мастерской.

– Кажется, он разгадал твой план, – заметила Офелия.

Флори, не желая признавать поражение, рассудила, что раз горячий напиток ему не по душе, то холодный сработает уж наверняка. Пока она возилась, остужая чай и добавляя роз-

марин, чтобы скрыть травянистый запах сонной одури, подмешанной в чайник, Офелия улизнула на второй этаж.

Дверь в комнату Дарта – последняя по коридору, слева, – и впрямь оказалась заперта. Оттуда не доносилось ни звука, а в замочной скважине зияла чернота, словно на той стороне уже наступила ночь. Офелия потопталась перед дверью и, раздосадованная, возвратилась к Флори. Вместе они поспешили на улицу, чтобы насладиться карточной игрой на послеполуденном пекле.

Тень от дома переместилась в глубь двора, где обосновался Дес. Расстеленный на земле плед стал игровым полем.

Между партиями то и дело упоминался холодный чай с розмарином, но Дес придумывал все новые отговорки: бережет горло, не хочет отвлекаться, на дух не переносит розмарин. Флори все больше злилась и злость свою превращала в азарт, а Офелия никак не могла разобраться в правилах. Дес подтрунивал над ней до тех пор, пока сам не стал проигрывать. На том его веселье закончилось. Он бросил карты и ушел в дом, по пути пнув садовое ведро. Как бы Дес ни пытался расположить к себе, доверять ему не хотелось. Слишком неожиданно он появился, слишком уклончиво отвечал на вопросы, слишком подозрительно себя вел и словно бы нарочно держал их подальше от комнаты, которую запер на ключ...

Тревожное ожидание преследовало сестер целый день. Оно превратилось в вязкую массу, осевшую на стрелках часов и замедлившую ход времени. К вечеру, так ничего и не узнав об исчезновении Дарта, Офелия твердо решила взять дело в свои руки.

Сумерки облаком черной пыли клубились за окном, и безлюдь жадно вдыхал их вместе с теплым воздухом. Комнаты заполнялись темнотой, кроме одной, где горел свет.

Устроившись на кровати, Флори третий час корпела над вышивкой, молчаливая и сосредоточенная. Офелия нервничала, постоянно отвлекалась от книги и настороженно вслушивалась в каждый шорох. Иногда раздавались шаги, скрежет ключа и следовавший за ним скрип двери. Один раз в коридоре промелькнул Дес с щедрым куском пирога, а потом их обоих проглотила комната. Остальную часть лакомства, которое, очевидно, испекли в таверне «Паршивая овца», Офелия обнаружила чуть позже. Пока Дес пропадал наверху, она устроила ему западню и, уходя, отщипнула от остатков пирога хрустящую сырную корочку. Кусок был вмиг съеден, а Офелия еще долго терзалась сомнениями о том, насколько безобидны угощения от подозрительных личностей. Она успокоила себя тем, что от крохотного ломтика с ней ничего не случится, и стала тревожиться уже о том, сработает ли ловушка.

Шаги Деса еще раз прозвучали в коридоре, затихли на первом этаже, и больше его слышно не было. В конце концов Офелия решила убедиться, что все идет как задумано, и прокралась на кухню. В доме, погруженном во мрак, ей казалось, что она движется с закрытыми глазами и чудом обходит препятствия, поджидающие на пути: дверной косяк, миски Бо, выдвинутый стул и стол, *пустой* стол. Не успела Офелия порадоваться, как увидела перед собой тень и остолбенела.

Силуэт медленно приближался, обретая форму и плоть, пока не превратился в Деса. Он едва держался на ногах, качался, как корабельная мачта во время шторма, и бормотал что-то бессвязное. За несколько мгновений воображение успело нарисовать жуткие картины его помыслов. Офелия отпрыгнула в сторону, когда Дес накренился вперед и врезался в стол. Ухватившись за край, он попытался выровняться, но затем рухнул на пол.

– Что случилось? – выпалила Флори, влетев на кухню. Отвечать не пришлось. Она зажгла свет и увидела все сама.

Офелия попыталась объяснить, наблюдая, как сестра, склонившись над Десом, проверяет пульс.

– Живой, просто пьян...

– ...и крепко спит, – с гордостью добавила Офелия.

– Куда ты подмешала снотворное? – спросила Флори, и ее милое личико вмиг стало суровым. Офелия поняла, что влипла.

С ловушкой следовало обращаться хитро, оставляя ее на видном месте, и использовать подходящую приманку. Никто не удил рыбу, прицепив на крючок сыр, а в мышеловку не клал червяка. Поэтому Офелия раздобыла в кладовой бутылку вина, вылила туда остатки сонной одури и, хорошенько взболтав, поставила на стол – так, чтобы Десмонд заметил.

После ее объяснений старшая сестра рассердилась еще сильнее:

– Так нельзя! Ты хоть понимаешь, насколько это опасно?

– Зато сработало! – парировала Офелия.

Флори с сожалением взглянула на Деса, застывшего на полу в какой-то неестественной, будто сломанной, позе, затем нахмурилась и принялась шарить по карманам его жилета. Когда ни в одном из них ключа не нашлось, она растерянно склонила голову набок, раздумывая, что делать теперь.

– У штанов тоже есть карманы, – подсказала Офелия.

– Да неужели? – язвительно отозвалась Флори.

В голосе ее было куда больше решимости, чем в действиях. Осторожно, едва касаясь, она проверила вначале один карман, затем другой и облегченно выдохнула, выудив оттуда ключ.

– Убедимся, что Дарт в порядке, и вернем на место. О сонной одури ни слова.

Офелия и без наставлений старшей сестры понимала, что таким поступком не стоит хвастать.

Несмотря на то что крепкий сон Деса давал им много времени, сестры поспешили наверх. Отперев дверь, они осторожно заглянули в комнату и тут же отступили, потому что из темноты на них выскочило лающее существо.

– Вот ты где, малыш, – ласково прошептала Флори и протянула руку. Бо облизал ее ладонь и радостно завилял хвостом.

Переступив порог, сестры оказались в небольшом пространстве, похожем на гардеробную. Одну стену занимал шкаф, а рядом стояло напольное зеркало – точнее сказать, широкая рама, в которой от зеркала, словно от вытащенной абрикосовой косточки, остался один овальный контур. Вот откуда взялся целый мешок осколков.

Где-то в глубине спальни горела лампа, точно маяк, указывающий путь в другую часть комнаты, наполовину занятую громоздкой кроватью с бархатным пологом. В изножье лежало скомканное одеяло, другое было расправлено по всей ширине. Вначале постель показалась Офелии пустой, но потом среди вороха тканей она разглядела спящего Дарта. На его лице застыло болезненное выражение, будто приснилось ему что-то тревожное.

Тишину комнаты прерывало мерное тиканье часов, стоящих в углу, – таких огромных, что выглядели они как деревянная колонна, подпирающая потолок. Механизм щелкнул, обозначив новый час, и в следующий миг Дарт очнулся.

– Вы как сюда попали?

– Хотели убедиться, что ты в порядке, – мягко ответила Флори. Жалобный скулеж Бо, раздавшийся на фоне, как нельзя лучше дополнил ее слова.

– Я... в порядке. – Дарт улыбнулся краешками губ, а затем кое-как уселся, подложив подушку под спину. Он позволил Бо запрыгнуть на постель и, потрепав его за ухо, задумчиво сказал: – А где Дес?

Флори вытянулась, словно струна, и ухватила за пуговицу на платье, как делала всегда, когда нервничала:

– Спит.

Дарт удивленно хмыкнул, но больше ни о чем не спросил.

– Мы уж было подумали, что он и есть охотник на лютепов, – добавила Офелия.

– Ох, нет, он мой друг и самый безобидный человек, которого знаю. Вчера я хотел познакомиться с вами, – Дарт бросил быстрый взгляд на Флори, – но его планы резко изменились.

Длинная фраза далась ему с трудом. На последних словах он тяжело задышал и сполз по подушке.

– Ты уверен, что помощь врачевателя не нужна?

– Мне он не поможет, – сказал Дарт и тут же осекся, но случайно оброненную фразу уже подхватила Флори и, подавшись вперед, спросила:

– С тобой что-то не так?

Его молчание, тяжелый вздох, нахмуренные брови – ничто из этого не было ответом. Флори склонилась еще ближе, облокотившись на спинку кровати в изножье. Грозная тень, нависшая над Дартом и жаждущая правды.

– Расскажи, кто ты на самом деле.

– Когда можешь быть кем угодно, ты – никто.

Он произнес это с какой-то печалью в голосе, хотя пытался изобразить на лице нечто, похожее на улыбку.

– Все лютепы – оборотни. – Дарт сделал паузу и выразительно посмотрел на них. Офелия почувствовала, как по телу поползли мурашки. Не видя лица сестры, она была уверена, что Флори поражена не меньше. – Безлюди наделяют лютепов силой, чтобы они усердно служили. Одни лютепы превращаются в животных, другие меняют внешность, а я способен менять не форму, а содержание. Личность, проще говоря.

– Вот почему ты такой странный, – пробормотала Офелия. – Как здорово!

– Не думаю. – Дарт покачал головой. – Каждый раз это случайность, как новый узор в калейдоскопе. Я не могу выбирать. Вернее, могу, но... – Он прервался, чтобы обдумать дальнейшие слова. – Вчера я вмешался и сам выбрал личность для расследования, а сегодня получаю по заслугам.

– Тебя наказал хозяин? – тихо спросила Флори.

Дарт ничего не ответил. Впрочем, все было понятно по выражению его лица.

– Голодный дом любит, когда в нем живут разные люди.

– Почему его так называли?

– Всегда стремится набить брюхо, все ему мало. Единственный безлюдь, кто с радостью принимает гостей. Другой бы вас не приютил.

– Хорошо, что не людоед, – пробормотала Офелия, вспомнив городские легенды.

– Нет, Офелия, мой дом никого не ест... – Дарт посмотрел на нее с усмешкой и добавил: – За исключением чересчур любопытных сестер.

Флори воинственно скрестила руки на груди:

– Боюсь, от нашего любопытства у твоего безлюдья случится несварение.

– Звучит как угроза.

Она одарила его ледяной улыбкой:

– Что ж, тогда спокойной ночи.

Глава 6

Паучий дом

Ранним утром, спустившись на кухню, Флори обнаружила, что Дес пропал. Она даже на миг подумала, что события вчерашнего дня ей почудились, однако, выглянув во двор, обнаружила его спящим в плетеном кресле. Это обнадеживало. Раз он смог самостоятельно перебраться туда – значит, смесь вина и сонной одури его не убила.

С завтраком на подносе Флори заявила к Дарту. Задернутые портьеры почти не пропускали солнечный свет, лампа рядом с кроватью не горела, и пришлось пробираться в потемках. Она подошла к окну и распахнула плотную ткань. Яркие лучи прорвались в комнату, подсвечивая пылинки, кружащие в воздухе. Интересно, эти шторы хоть раз кто-нибудь чистил?

Дарт все еще не вылезал из постели, хотя выглядел намного лучше и обрадовался еде. Когда он предложил составить ему компанию, Флори устроилась на краешке кровати. Изначально она пришла сюда в надежде разговорить Дарта и узнать что-то новое о безлюдях и лютемах. Полезно понимать сущность того, с кем оказался под одной крышей. Но не успела она задать вопрос, как подскочила от неожиданности, когда напольные часы забили. Стрелка застыла на полудне, хотя вместо привычных цифр время показывали объемные латунные фигурки. Часы бессовестно ввали, поскольку сейчас было раннее утро.

– Кажется, часы сломались.

– Они показывают не время, – ответил Дарт, не обращая внимания на крошки, падающие на одеяло с тарелки.

Флори нахмурилась, не зная, что и думать. Поняв, что объяснений не дождется, она решила сама выяснить, в чем подвох, и подошла к часам, чтобы рассмотреть их. Из недр массивного резного остова вырывался низкий гул, словно внутри прятались не шестеренки, а приборная лампа. Тяжелый маятник за помутневшим стеклом лениво раскачивался, то зависая, то ускоряясь. Он жил вне времени и законов часового механизма. С циферблатом тоже было что-то не так: разделенный на двенадцать секторов, он имел одну-единственную стрелку, не сходившую с латунной фигурки, по очертаниям похожей на охотничье ружье. Остальные одиннадцать деталей имели разные формы: ложка, печатная машинка, скрипичный ключ, шляпа-цилиндр, бутылка, очки, художественная палитра, круг с лабиринтом внутри, ключ, перо и голова льва. Станный и бессвязный набор символов.

– Есть предположения, госпожа детектив? – спросил Дарт.

Голос раздался совсем рядом. Повернувшись, она едва не врезалась в Дарта. Он нетвердо стоял на ногах, маятником раскачиваясь перед ней.

– Тебе лучше прилечь, – сказала она, отстраняясь, и Дарт тут же рухнул обратно на кровать, будто только и ждал ее предложения.

– Кажется, я себя переоценил.

Дождавшись, когда он снова устроится в постели, Флори напомнила о часах, которые были чем-то другим, не связанным со временем.

– Они тут появились задолго до меня. Я лишь переплавил цифры в фигурки, чтобы проще ориентироваться в своих превращениях. Правда, механизм немного барахлит, не всегда улавливает момент, когда просыпаюсь: иногда звонит за мгновение до, иногда запаздывает. Стараясь не вылезать из постели, пока не узнаю, кто я сегодня.

Дарт попытался изобразить улыбку, но получилось скверно.

– Поначалу новая способность меня пугала. Каждое утро просыпался другим человеком и думал, что сошел с ума. Так продолжалось, пока хозяин не предложил исправить часы. Двенадцать секторов на циферблате стали обозначать двенадцать личностей, а стрелкой теперь

управляет не часовой механизм, а безлюдь. Я зову их «частности» – часы, показывающие личность.

Флори взглянула на стеклянную дверцу, закрывающую циферблат. Ключ торчал в замочной скважине как предостережение для любого, кто захочет вмешаться в игру безлюдя. Она вспомнила рассказ Дарта о причине его недуга.

– Но ты переводил стрелку сам, так ведь?

– Да. Я сделал это в пятый раз за все годы службы и освободил того, кого мы условились не отмечать на циферблате. Тринадцатого. Эта личность появляется, если я сам пытаюсь управлять частностями.

На несколько мгновений в комнате воцарилась тишина – робкая полоса молчания на рубеже двух разных тем. Флори хотелось узнать как можно больше: например, о том, как Дарт попал сюда и как стал лютенем, почему он не может управлять своей силой, чем так опасен Тринадцатый, что приходится его запиравать... Но все эти вопросы померкли в ее сознании, когда хлопнула дверь и в комнате раздался быстрый топот.

– Вот ты где, дорогуша! – выпалил Дес, обращаясь к Флори, а потом повернулся к другу: – Ты знаешь, что твои беззащитные сестрицы учудили? Напоили меня сонной одурью!

Лицо Деса пылало от гнева, глаза метали молнии. Каждое слово он сопровождал взмахом рук или резким жестом, отчего походил на птицу, угодившую в бурю. Флори мысленно выругалась, понимая, что опять ей придется отвечать за действия младшей сестры. Не дожидаясь новых обвинений, она решила пойти в наступление:

– Уж не знаю, что вы там пили, господин Десмонд, но когда мы нашли вас на кухне, от вас разлило вином. Думаю, пустая бутылка будет доказательством.

– Вот тебе доказательство! – Дес выставил руку, покрытую красными пятнами. – У меня аллергия на сонную одурь.

Теперь точно не отвертеться. Приготовившись получить выговор от Дарта, Флори вдруг услышала его хохот.

– Тебе весело, а я чешусь, как лишайный, – пробурчал Дес.

– Ты, наверное, голоден? – примирительно спросила Флори.

Он бросил на нее опасливый взгляд:

– Сразу скажу: у меня аллергия на все виды ядов, особенно на крысиный.

– Дружище, не подавай Флори идеи, – предупредил Дарт.

Они оба засмеялись, явно обладая каким-то общим, понятным только им, чувством юмора. Дес тут же позабыл о старых обидах и охотно согласился утешиться едой. После завтрака он заявил, что с радостью останется до ужина. Флори досадливо цокнула языком, представив, как этот провокатор будет докучать целый день. Она бы отправилась на рынок, но не хотела оставлять приболевшего Дарта под присмотром человека, который о себе-то позаботиться не мог.

Дес пытался приложить компресс к руке, пораженной сыпью, но никак не мог приловчиться орудовать левой, и все его действия со стороны выглядели неловкими и неуклюжими. В конце концов Флори предложила помочь, чувствуя свою вину, ведь идея опоить Деса сонной одурью изначально принадлежала ей. Взявшись за дело, она обратила внимание на платки, повязанные на запястьях.

– Надо бы снять, чтобы не мешали.

Дес наотрез отказался. Флори пришлось изловчаться, забинтовывая ему руку, которой и без того хватало повязок. Когда в доме раздался звон дверных колокольчиков, Флори вздрогнула, и ее пальцы скользнули прямо в ладонь Деса, проворно поймавшую их в ловушку. Движение было резким, уверенным, но не грубым. Она растерялась и уставилась на него с неммым вопросом. Его орехово-карие глаза обладали гипнотической притягательностью, выражая одновременно насмешку и вызов. Что бы он ни предлагал, Флори следовало отказаться.

Второй звонок раздался громче и настойчивее. Дес медленно разжал ладонь, отпуская Флори на встречу с гостем. Им оказался Рин. Она пригласила его в дом, но тот не захотел тревожить безлюдя понапрасну.

На веранде, опустевшей без кресел, присесть было некуда, и Флори оперлась спиной о перила. Рин остался стоять у дверей, скрестив руки на груди, всем своим строгим видом – позой, костюмом и выражением лица – напоминая школьного учителя.

– Начну, пожалуй, с плохой вести. – Он нахмурился. – Наше следствие не продвинулось дальше домыслов и голословных обвинений. Мы не можем найти того, кто подтвердит причастность Сильвера Голдена. Последняя надежда на вашу сестру. Вдруг она что-то видела...

Рин протянул портрет, нарисованный ее же рукой. Флори невольно улыбнулась, вспомнив тот странный вечер в таверне.

– А теперь о хорошем, – торжественно объявил Рин. – Я помню вашу просьбу подыскать более подходящее жилье для вас. Сейчас везде идут приготовления к Ярмарке, и в Хоттон как раз требуются оформители. Я зарекомендовал вас как чудесную мастерицу. Они готовы принять вас с сестрой на лето.

Флориана замерла, не зная, как реагировать на приглашение. Рин расценил ее молчание по-своему и поспешил пояснить:

– Хоттон – престижная школа-пансион, это прекрасный шанс для вас обеих... Если хорошо себя зарекомендуете, то сможете там работать, а Офелия – учиться.

– Хоттон – очень дорогая школа. Ни одного моего жалования не хватит, чтобы оплатить обучение сестры.

– С этим мы разберемся, – с воодушевлением продолжал Рин. – Если ваш дом получит статус безлюдя, он перейдет городу. Выплаченной компенсации хватит на годы обучения.

– А потом нас вышвырнут на улицу?

Рин с шумом втянул носом воздух. Похоже, он злился.

– Флориана, я предлагаю вам руку помощи. Если это вам не нужно, так и скажите.

Она смутилась, не желая казаться грубой и неблагодарной. Предложение Рина действительно было заманчивым и разумным. Однако он не знал и половины того, что мешало сестрам перебраться в Хоттон.

– Я безмерно благодарна вам, господин Эверрайн, – с трудом выговорила Флори, – но обстоятельства вынуждают меня отказаться от предложения. Оно, без сомнения, прекрасно, но...

С минуту она молчала под строгим взглядом и от волнения крутила пуговицу на платье. Потом честно рассказала обо всем: как после смерти родителей у них отняли дом и наследство в Пьер-э-Метале стало их единственным пристанищем. Растратить деньги, полученные за фамильный дом, значило навсегда отказаться от *настоящего* дома в Лиме. Она призналась, что переживает за Офелию, которой снова придется привыкать к новым людям и месту, а напоследок вспомнила и о себе:

– Меня не интересует работа в школе. Я хочу стать домографом. Если устроюсь в Хоттоне, то навсегда распрощаюсь с мечтой.

Она посмотрела Рину в глаза, чтобы найти в них сочувствие, понимание, а взамен получила строгое беспристрастие.

– Знаете, Флориана, – задумчиво начал он, – у меня тоже есть стремления. Вот уже несколько лет я охочусь на Озерный дом. Вы о таком слышали?

Она отрицательно покачала головой, не понимая, к чему задан вопрос.

– Все называют его городской легендой, а я намерен доказать, что это настоящий безлюдь, потерянный много лет назад. – Он улыбнулся так мягко, как улыбаются мыслям о желаемом. Уловив ее растерянность, Рин пояснил свой неожиданный пассаж: – Я хотел изучать безлюдей, а в итоге нахожусь на службе у города, занимаясь чем угодно, но не исследованиями.

Увы, чтобы реализовать истинные стремления, мне приходится быть кем-то еще. Путь к мечте никогда не состоит из одной только мечты.

Его слова полоснули по сердцу как лезвие. Флори опустила глаза и тихо ответила, что он прав. Заставила себя улыбнуться, хотя ее переполняли другие эмоции; чтобы выразить их, ей бы пришлось что-нибудь разбить, ударить, бросить... Так что лучше спрятаться за вежливой полуулыбкой.

На веранде внезапно нарисовался Десмонд, и Флори впервые обрадовалась его появлению. Рин и Дес сухо поприветствовали друг друга и заговорили о самочувствии Дарта. Флори была бы не прочь послушать их, но Рин отправил ее за Офелией и наверняка сделал так нарочно, чтобы на время избавиться от лишних ушей.

Когда сестры появились на веранде, Рин и Дес уже вернулись к теме расследования. Портрет Сильвера Голдена перекочевал в руки Офелии, и она долго разглядывала его, прежде чем сказать, что никогда не встречала этого человека. «Он похож на хитрого лиса», – заключила она, а Флори мысленно добавила: «Как и все домоторговцы». Судя по безрадостной усмешке Рина, такое определение пришлось ему по душе, а вот отсутствие малейших доказательств огорчило. словно бы вторя всеобщему настроению, на кухне тревожно засвиристел чайник, и Офелия поспешила снять его с огня.

Дес попытожил разговор:

– Придется обращаться к столичному франту.

Несмотря на то что каждый город существовал обособленно и подчинялся сам себе, все по-прежнему называли столицей Делмар. Как бы ни пытались города отделиться друг от друга, Делмар владел морем, куда стекались реки других земель, и притягательной силой капитала, оседающего в карманах местных богачей. Здесь жили самые влиятельные люди, зарождались реформы и возникали передовые технологии.

Когда Рин сообщил, что сегодня же отправит в столицу официальное письмо, Дес многозначительно цокнул и закатил глаза:

– Ну, я ж говорю, франт! К столичным дельцам и на хромой собаке не подъедешь.

– Оставь ты бедную собаку в покое, – проворчал Рин.

Они обменялись еще парой язвительных реплик и разошлись, поскольку важные дела не позволяли домографу тратить время на пустую болтовню. Прощаясь, он поручил Флориане «подумать над его предложением», после чего укатил на черном, начищенном до блеска автомобиле.

– Что за предложение? – заискивающе спросил Дес. – Надеюсь, не руки и сердца?

– Тебе-то какое дело? – фыркнула она.

– Вдруг я – претендент на твою руку и сердце, – сказал он, а когда Флори фыркнула от возмущения, неуверенно добавил: – Ну, чисто гипотетически... могу им быть.

– Я так не думаю, – отрезала она, уходя. Дес засеменил следом, приговаривая:

– Ну почему же? Из нас получится чудесная пара. Я – человек, ты – тоже, мы просто созданы друг для друга.

Не зная, куда деться от навязчивого ухажера, она сбежала на кухню, однако Офелия, украдкой поглядывающая на них, ничуть не смутила Деса. Пытаясь скрыть неловкость, Флори притворилась, что проверяет кладовую, хотя еще вчера убедилась, что полки пусты. Ей пришлось перебить Деса, вещающего что-то об одиноких сердцах, и попросить его пополнить запасы еды. Он расценил это как шанс поухаживать и охотно согласился помочь.

Когда Дес ушел, весь дом облегченно выдохнул. С наступлением долгожданной умиротворяющей тишины Флори вспомнила, что хотела закончить вышивку на салфетках, и отправилась в мастерскую. Вскоре выяснилось, что в стеклянной комнате жарко, как в духовом шкафу, и долго здесь не высидеть. Тогда Флори перебралась на улицу и с наслаждением устроилась в тени, прямо на ступеньках. Живя в *настоящем* доме, она частенько сидела на крыльце

с альбомом или пальцами, и сейчас воспоминания нахлынули на нее неудержимым потоком. Погруженная в работу и свои мысли, она потеряла счет времени. Иногда к ней заглядывала Офелия – то с книгой, то со стаканом воды, то на пару с Бо. Всякий раз Флори отвлекалась, пропускала стежок, сбивалась и вздыхала. Когда дверь за ее спиной хлопнула громче обычного, она вздрогнула и, укол палец иголкой, болезненно ойкнула.

– Извини, что напугал. Ты в порядке? – Дарт уселся рядом. Выглядел он намного лучше, чем утром: на щеках проступил здоровый румянец, с губ сошла синева, а глаза заблестели, словно кто-то зажег в них огонь.

– Привычное дело. – Флори невозмутимо пожала плечами. Как ни осторожничай с иголкой, а все равно когда-нибудь уколешься.

Они обменялись парой любезных вопросов и надолго замолчали, каждый занятый делом: она вышивала, но уже не так сосредоточенно, а он с отрешенной задумчивостью гладил Бо, который уместился между ними, рассчитывая на внимание обоих. В конце концов пес требовательно ткнул Флори под локоть, а потом зафырчал.

– Хочешь, чтобы я погладила тебя, малыш? – Она отвлеклась от вышивки и потрепала его за рыжее ухо. Пес был слишком обеспокоен, чтобы лежать смиренно, и снова ткнул мокрым носом ее руку.

– Кажется, он учуял что-то в твоём кармане. – Дарт лукаво улыбнулся. – Ты там печенье прячешь?

Бо привлекло совсем другое: ключ. С тех пор как тот странным образом попал к ней, Флори ни разу не вспоминала о нем, но сейчас вновь ощутила тяжесть металла в кармане и невольно потянулась к нему. Бо утробно зарычал, не сводя с нее круглых, как пуговицы, глаз, и пришлось показать, что спрятано в кармане. Едва она раскрыла ладонь, Дарт выпалил:

– Ключ от безлюдя?! Где ты его взяла?

Открытие, чем оказался подарок старой незнакомки, ошеломило Флори. Станным образом воспоминания о той встрече размылись, а теперь стали приобретать былую четкость.

– На днях я встретила на рынке пожилую женщину, и она...

– Проклятье, – сквозь зубы процедил Дарт. – Паучиха!

– Паучиха? – переспросила Флори, словно ослышалась.

– Лютина из Паучьего дома. Учужала вас на совете.

Значит, вот кто околачивался тогда перед дверью. Флори слышала голос и узнала бы его после, не будь Паучиха лютиной, способной менять облик.

– Зачем ты взяла у нее ключ?

– Она предложила убежище, а я подумала, что отказываться от помощи невежливо.

Флори попыталась оправдаться, но быстро смекнула, что Дарта этим не убедить.

– И ты поверила первой встречной?

– Да! – воскликнула она. – Поверила, как и тебе. Ты ведь тоже был для нас «первым встречным». И как думаешь, кто вызывает больше доверия: милая старушка или полоумный лютен?

Флори закончила свою тираду усталым выдохом, как будто истратила на пререкания последние силы. Дарта задела ее слова. Опустив глаза, он повертел в руках ключ, ставший причиной их раздора. Между ними повисла напряженная пауза. Флори не решалась заговорить первой. Спустя несколько минут Дарт протяжно вздохнул и спросил:

– Знаешь, что значит принять ключ от безлюдя?

Флори покачала головой.

– Ты согласилась прийти в Паучий дом.

– Внемлю твоему совету и не пойду туда, – заявила она с сарказмом. – Доволен?

– Тогда безлюдь сочтет, что ты оставила ключ себе, а так делают только *лютены*, – здесь Дарт выдержал многозначительную паузу, а потом заключил: – Если не хочешь навечно поселиться в Паучьем доме, то идти придется.

Флори стало неловко, что она, такая мнительная и придирчивая с Дартом, так легко доверилась Паучихе. В сравнении с этой постыдной ошибкой посещение Паучьего дома виделось сущим пустяком.

– Нам нужно идти прямо сейчас, – голос Дарта вывел ее из оцепенения.

Второпях Флори отнесла корзинку с рукоделием в спальню, где застала Офелию за чтением. Узнав о том, что случилось, Фе чуть не выпрыгнула из платья от удивления.

– Опять бросаете меня одну?! – фыркнула она вслед.

Спускаясь по лестнице, Флори услышала из кухни недовольные возгласы Деса. Он только что вернулся и узнал, что остается приглядывать за Офелией и безлюдом. Его голос всегда был звонким и резким, а сейчас, преисполненный возмущения, вызывал головную боль. Негодование Деса состояло из трех этапов: вначале он раскричался, потом перешел на ворчание, а в завершение просто насупился, как ребенок. Затем к нему добавилась еще одна недовольная гримаса. Офелия обижалась, что снова уходит без нее, и даже не задумывалась о том, что Флори с радостью обменяла бы свои приключения на спокойный вечер в доме.

Но они давно утратили и дом, и спокойствие.

Дорога в город пролегла через пшеничное поле и ныряла в застроенные кварталы. Шагая вслед за Дартом, Флори попыталась выведать, что ждет их в Паучьем доме.

– Странно, что ты не знаешь историю безлюдей, – ответил он, снова корча из себя умника.

– Я приезжая. У нас все по-другому.

– По-другому? – переспросил Дарт, и его губы, всегда готовые к насмешливой улыбке, дрогнули. – У вас ходят на руках? Дома строят людей? Реки текут вспять?

Он продолжал подтрунивать над ней с каким-то особым азартом, точно ждал, что она сорвется. Флори ничего не ответила и отвернулась, делая вид, что пшеничные колосья интереснее, нежели остроумие ее спутника. Спустя несколько минут молчаливого шествия Дарт примирительно спросил:

– И что там, в других городах? Я никогда там не был... и вряд ли буду. Протокол запрещает лютенам покидать место службы.

Он сказал это легко и смиренно, безо всякого сожаления, в то время как для Флори заточение в Пьер-э-Метале было мучением. Из этого города, как из тюрьмы, она отчаянно рвалась на свободу.

В ее родном Лиме безлюди появлялись редко. За домами следили, не позволяя им подолгу оставаться в запустении, и согласовывали каждый переезд жильцов – так городская служба Удержателей контролировала популяцию безлюдей. Конечно, случались просчеты, и тогда кое-где, на окраинах, возникал новый безлюдь, присоединяясь к числу домов под управлением домографа. Он справлялся без помощи лютенов, подземных тоннелей и служебных протоколов.

Флориане приходилось иметь дело с Удержателями: с этими цепкими, нудными, точно зубоврачебная дрель, пронырами, одними из тех, кто помешал им вернуться в *настоящий* дом. Они задержались в Пьер-э-Метале не более чем на месяц, занятые похоронами, наследством и бумажной волокитой. За это время вездесущие Удержатели прознали, что дом пуст, и поставили его под надзор. Все закончилось тем, что городская управа досрочно расторгла договор

аренды и выставила сестер за дверь. «Дом вверялся *семье* Гордер, а вы *уже не семья*», – заявили им.

Флори осеклась и затихла. Она не знала, зачем рассказала Дарту не только о безлюдях в Лиме, но и о том, как у них отобрали дом.

– Раз они так пекутся о том, чтобы дома оставались жилыми, почему упрямятся сейчас?

– Нам готовы продать его, если мы заплатим Удержателям неустойку. Сумма неподъемная, продажа дома в Пьер-э-Метале не покроет и половины.

Разговоры о доме вызывали у нее странные чувства: сложно было держать тревожные мысли в себе, ими хотелось поделиться, но когда Флори касалась этой темы, становилось еще тяжелее.

– Если хочешь быть домографом, тебе придется вызубрить биографию местных безлюдей, – назидательно изрек Дарт.

Флори уже собралась признать его замечание справедливым, но тут сообразила: она не рассказывала ему о своих стремлениях.

– С чего ты взял?

– Что ты метишь в домографы? – небрежно переспросил он и бросил на нее хитрый взгляд. – Ты знаешь о безлюдях больше, чем остальные горожане, постоянно расспрашиваешь о них и до сих пор не сбежала, хотя не доверяешь мне. Твое любопытство сильнее предосторожности.

Услышав правду о себе, она разозлилась. Дарт с такой легкостью разоблачал ее, будто читал мысли.

Незаметно они дошли до района, названного Цветочным Гротом. Одинаковые каменные домики, жмущиеся друг к другу, и впрямь напоминали стены пещеры, а увитые плющом арки, соединяющие крыши, были ее сводами.

– Я знаю о безлюдях из книг о градоустройстве, – продолжила Флори чуть погодя. – Там лишь короткие заметки и редкие упоминания, но этого хватило, чтобы я решила стать домографом. Папе идея не нравилась, он считал, что бродить по заброшенным домам опасно, тем более для меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.